

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.Н. Жукович

**Перед казацким разгромом
(варшавский сейм 1625 года)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1908. № 8-9. С. 1111-1147.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Передъ казацкимъ разгромомъ (варшавскій сеймъ 1625 года).

ВЪ ОТНОШЕНИИ къ запорожскому казачеству варшавскій сеймъ 1624 года еще дальше пошелъ впередъ по тому пути обузданія его и обезсиленія, на который вступилъ уже, послѣ благополучно для Польши миновавшей турецкой грозы, варшавскій сеймъ 1623 года. Изъ сеймовыхъ конституцій 1624 года вожди запорожскаго казачества еще сильнѣе должны были убѣдиться въ томъ, что упущеннаго благопріятнаго момента имъ уже не возвратить. Усилившееся съ весны этого года возбужденіе среди запорожскаго казачества запечатлѣно характеромъ какой-то особенной неустойчивости, какого-то исканія новыхъ путей къ выходу.

Уже ранней весной 1624 года запорожскіе казаки появились на Черномъ морѣ. До англійскаго посла въ Константинополь дошелъ слухъ, что запорожскіе казаки плывутъ на 300 чайкахъ (количество лодокъ, вѣроятно, тутъ преувеличено сильно). Жители Босфора бѣжали въ столицу ¹⁾. Спустя четыре мѣсяца, запорожскіе казаки (вторая, вѣроятно, ихъ партія) явились передъ самымъ Константинополемъ. По донесенію англійскаго посланника, 9 іюля казаки, на 70 или 80 лодкахъ, раннимъ утромъ вошли въ Босфоръ, имѣя на каждой лодкѣ по 50 человекъ гребцовъ и воиновъ. Разсѣявшись здѣсь, они разграбили и сожгли на разстояніи четырехъ ан-

¹⁾ Bobrowicz, Zbiór pamiętnikow, V, 325, письмо Tomasza Roe отъ 22 марта 1624 г.

гліійскихъ мпль всѣ почти окрестныя деревни и дома. Они разграбили, между прочимъ, на европейскомъ берегу Буюкъ-дере и Теиикіой и на азіатскомъ Стенію, захвативши въ нихъ большую и богатую добычу. Нападеніе отличалось удивительной стремительностью: къ девяти часамъ утра все уже было окончено. Вся столица и предмѣстья были въ большой тревогѣ. Султанъ даже отправился на берегъ моря, а каймаканъ въ гавань. Среди этого смятенія не растерялся одинъ Халиль-паша. Въ виду того, что ни одной галеры не было наготовѣ, онъ посадилъ на лодки, барки и другія меньшія суда отъ 400 до 500 человекъ, умѣвшихъ грести и способныхъ къ бою. Пѣхоту и конницу, въ количествѣ 10,000 человекъ, разослалъ для охраны береговъ отъ дальнѣйшаго грабежа. Казаки, при видѣ приближающихся къ нимъ парусныхъ лодокъ, собрались въ кучу по срединѣ канала и, выстроившись полукругомъ, ждали битвы (неблагопріятный вѣтеръ не позволялъ имъ самимъ перейти въ наступленіе). Халиль-паша велѣлъ стрѣлять въ казаковъ издали. Они не отвѣчали на огонь ни однимъ выстрѣломъ, а только подплывали то къ одному, то къ другому берегу, не обнаруживая никакихъ признаковъ отступленія. Паша не рѣшился на своихъ слабыхъ судахъ пойти въ атаку. Цѣлый день, до заката солнца, простояли казаки въ Босфорѣ, пока, наконецъ, не ушли съ награбленной добычей изъ пролива ²⁾. Но этимъ не ограничился казацкій набѣгъ. Спустя нѣкоторое время, они опять ворвались въ Босфоръ, имѣя на этотъ разъ не менѣе 150 лодокъ и, кромѣ того, оставивши въ тылу подкрѣпленіе. У береговъ пролива простояли они цѣлыхъ три дня, сожгли Фарусъ и двѣ или три деревни, грозили нападеніемъ на арсеналь. Турки повсюду удвоили сухопутную защиту береговъ. Для защиты гавани поставили при входѣ въ нее около двадцати лодокъ и двѣ галеры, посадивши на нихъ согнанныхъ съ улицъ носильщиковъ и наемниковъ. Казаки съ большой добычей отплыли домой ³⁾.

Разсказанные нами весенніе и лѣтніе казацкіе черноморскіе набѣги произошли «помимо воли старшихъ» запорож-

²⁾ Ibid., 326—327, донесеніе отъ 20 іюля 1624 г.

³⁾ Ibid., 328, донесеніе отъ 24 іюля. На основаніи турецкихъ источниковъ, В. Д. Смирновъ датируетъ казацкое нападеніе на Босфоръ 20 іюля 1624 г. (Крымское Ханство, Спб., 1887, стр. 493).

скаго казачества (по свидѣтельству митр. Іова Борецкаго) ⁴). Набѣги эти продолжались и осенью. 6 августа двинулась по Днѣпру изъ Запорожья, на этотъ разъ подъ гетманствомъ Григорія Чернаго, новая казацкая флотилія. Дурная погода задержала ее болѣе мѣсяца подъ Очаковомъ. Изъ-за недостатка жизненныхъ припасовъ, нѣкоторая часть казацкихъ лодокъ вернулась назадъ. Остальныя, дождавшись благопріятной погоды, пустились въ море ⁵). Въ Константинополь, въ сентябрѣ ежедневно, и днемъ и ночью, была тревога по поводу возможности казацкаго нападенія ⁶). По турецкимъ свѣдѣніямъ, казацкій набѣгъ на предмѣстья Константинополя (на селеніе Енкіой) произошелъ 7 октября 1624 года. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, казаки и на этотъ разъ благополучно ушли домой ⁷).

Успѣхъ казацкихъ выходовъ въ Черное море, безнаказанность казацкихъ вторженій въ самый Босфоръ въ теченіе 1624 года объясняется не только общимъ ослабленіемъ военнаго могущества Оттоманской Порты въ то время, но и своеобразно сложившимися тогда отношеніями ея къ Крымскому ханству. Сидѣвшій на ханскомъ престолѣ (съ 1623 г.) Магометъ-гирей съ братомъ своимъ калгою Шагинъ-гиреемъ возбуждали противъ себя сильное неудовольствіе Порты, какъ своею внутреннею дѣятельностью (преслѣдованіемъ неугодныхъ имъ мурзь), такъ и неисполненіемъ приказаній ея (относительно участія въ постройкѣ въ Днѣпровскомъ устьѣ крѣпостей, преграждающихъ выходъ въ море запорожскимъ казакамъ), равно какъ нежелательными ей военными столкновеніями ихъ съ буджакскими татарами. Турецкое правительство

---

⁴) Вилен. Археограф. Сборникъ, VII, 82, письмо Борецкаго къ Хр. Радивилу, отъ 24 авг. 1624 г. Намъ думается, что рассказанныя въ этомъ письмѣ подробности казацкаго нападенія на Босфоръ (сто двѣ лодки, предварительная битва въ Днѣпровскомъ устьѣ съ турецкими галерами, входъ казацкихъ лодокъ въ Босфоръ, описанный съ большими подробностями) относятся къ іюльскому нападенію. Относительно же третьяго, послѣдующаго, нападенія, самъ Борецкій въ своемъ письмѣ пишетъ, что онъ не знаетъ его исхода; „а теперь Богъ вѣсть, какъ имъ повезетъ въ третій разъ“. Повидимому, письмо Борецкаго въ интересующемъ насъ мѣстѣ напечатано въ Сборникѣ не совсѣмъ точно.

⁵) Рук. сборникъ Кіево-Печерской лавры, № 74 по „Описанію“ проф. Н. И. Петрова, л. 83—84, копія письма, писаннаго кѣмъ-то въ сентябрѣ 1624 года.

⁶) Bobrowicz, V, 331, письмо отъ 20 сент. 1624 г.

⁷) Sękowski, Collectanea, I, 177—178.

рѣшило лишить Магометъ-гирея престола и предоставить его Джанибекъ-гирею, занимавшему его передъ этимъ. Оно отправило въ Крымъ сорокъ галеръ съ десятью тысячами янычаровъ на нихъ подъ начальствомъ трехъ пашей, въ томъ числѣ самого начальника турецкаго военнаго флота (капитанъ-паши). Отсутствіемъ турецкаго военнаго флота изъ Константинополя запорожскіе казаки и воспользовались для вышеупомянутыхъ своихъ набѣговъ на Босфоръ. Другая небольшая часть запорожскихъ казаковъ (по словамъ Шагинъ-гирея, триста человекъ) явилась въ Крымъ на помощь татарскому хану противъ турокъ. Высадка турецкаго войска въ Кафѣ продолжалась цѣлыхъ три мѣсяца. Съ помощью запорожцевъ (Шагинъ-гирей очень высоко ее въ данномъ случаѣ цѣнилъ), крымскимъ татарамъ удалось нанести турецкому войску рѣшительное пораженіе. Двое пашей было убито. Самая Кафа занята была татарами. Но Шагинъ-гирей, не смотря на одержанную побѣду, ясно видѣлъ непрочность положенія своего въ Крыму. Этимъ объясняется обращеніе его за поддержкой къ польскому двору. Въ письмѣ къ королю (отъ 5 сент. 1624 г.) онъ, рассказавши вышеприведенныя нами подробности военнаго столкновенія съ турками, просилъ прислать крымскому хану въ помощь наступающей зимой тысячу запорожскихъ казаковъ, а будущей весной—остальныхъ казаковъ. За это Шагинъ-гирей обѣщалъ передвинуть бѣлгородскихъ и буджакскихъ татаръ на лѣвый берегъ Днѣпра и уступить Польшѣ Бѣлгородъ, Тегиню и Килию. Днѣпръ долженъ былъ съ этой поры стать границей польскихъ и татарскихъ владѣній. Шагинъ-гирей обѣщалъ полную впредь безопасность польскихъ владѣній по правую сторону Днѣпра ⁸⁾.

Для Польши взаимная вражда крымскихъ татаръ съ турками была выгодна. Но временное торжество Мегеметъ и Шагинъ-гиреевъ не могло еще внушать полного къ ихъ успѣху довѣрія. Польское правительство не сочло возможнымъ прямо пойти на встрѣчу желаніямъ Шагинъ-гирея, хотя старалось по возможности улучшить свои мирныя сношенія съ Крымомъ. Вскорѣ военныя дѣла послѣдняго приняли неблагопріятный для него оборотъ. Кантемиръ со своими буджакскими тата-

⁸⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., разн. яз., F. IV. № 67, л. 147 об.—149 об., Golembiowski, Szahin—giraj i kozacy (Biblioteka Warszawska, 1852, t. II, 17—21); Bobrowicz, V, 326—328; Стеф. Рудвицкій, Козацко-польска війна р. 1625 (Записки Наукового Товариства імени Шевченка, № 17—21).

рами нанесъ ему жестокое пораженіе на берегахъ нижняго Дуная, гдѣ онъ разорялъ и грабилъ турецкія владѣнія ⁹⁾.

Необычныя турецко-татарскія отношенія 1624 года ставили передъ запорожскимъ казачествомъ трудный вопросъ. Шагинъ-гирей, передъ только-что упомянутой борьбой своей съ Кантемиромъ, пріѣзжалъ самъ лично въ Запорожье (передъ Рождествомъ Христовымъ) подговаривать казаковъ къ войнѣ съ турками. Въ началѣ 1625 года и польскимъ правительствомъ посланъ былъ въ Запорожье къ гетману Калинику Андреевѣ королевскій дворянинъ, въ сопровожденіи б. запорожскаго войскового писаря Волка, для переговоровъ по турецко-татарскимъ дѣламъ ¹⁰⁾. Послѣдніе два мѣсяца 1624 года прожилъ въ Запорожьѣ претендентъ на турецкій престолъ Ахія (въ крещеніи Александръ), явившійся въ Польшу вмѣстѣ съ вернувшимися въ нее лисовчиками и пребывавшій затѣмъ въ Кіевѣ, въ Михайловскомъ монастырѣ (съ 21 по 29 окт. 1624 г.). Передъ запорожскимъ казачествомъ, передъ нѣкоторою, по крайней мѣрѣ, частью его, открывалась широкая перспектива великихъ и громкихъ дѣлъ на пользу всего христіанства ¹¹⁾. Вся же совокупность тѣхъ небывало-своеобразныхъ политическихъ обстоятельствъ, среди которыхъ протекала жизнь Запорожья въ 1624 году, совсѣмъ не располагала его мириться съ той судьбой, которую ему готовилъ варшавскій сеймъ этого года.

Такое политическое настроеніе запорожскаго казачества шло въ разрѣзъ съ тѣмъ подъемомъ религіозно-вѣроисповѣднаго возбужденія высшей униатской церковной іерархіи, который въ теченіе 1624 года сталъ обнаруживаться по мѣстамъ. Хотя православный полоцкій архіепископъ Мелетій Смотрицкій оставилъ уже Вильну и доставившее ему трехлѣтній пріютъ Св.-Духовское братство, высшая униатская іерархія продолжала считать это послѣднее главнымъ гнѣздомъ враж-

⁹⁾ Смирновъ, Крым. ханство, 492. Какъ видно изъ нижеслѣдующаго, это пораженіе произошло уже въ 1625 году... Для улучшенія мирныхъ сношеній съ Крымомъ польское правительство послало туда литовскаго татарина Сулеймана, который цѣлый годъ прожилъ въ Крыму, а въ началѣ 1625 г. вмѣстѣ съ Крымскими послами ѣздилъ въ Корсунь, къ казакамъ (Кулишъ, Матеріалы, I, 268).

¹⁰⁾ Кулишъ, Матеріалы I, 158—159. 24 дек. 1624 г. заключенъ былъ между Шагинъ-гиреемъ и запорожскимъ войскомъ военный договоръ, (С. Т. Голубевъ, Петръ Могила, I, прил., 276).

¹¹⁾ Кулишъ, Матер., I, 168.

дебной себѣ оппозиціи. Въ 1624 году уніатскій митрополить Рутскій составилъ для внесенія въ гродскія книги новую протестацію противъ Виленскаго православнаго братства: противъ намѣстника братскаго монастыря Гавріила Дудки, казначея и духовника Варлаама, ректора школы и проповѣдника Іосифа Легоповича, завѣдующаго Троцкой церковью Димитрія, игумена Минскаго Петропавловскаго монастыря Гедеопа, новгородскаго протопоповича Сильвестра Григоровича, противъ двадцати двухъ, поименно названныхъ, виленскихъ мѣщанъ и купцовъ и противъ всѣхъ иныхъ братчиковъ. Въ протестаціи по обычаю повторенъ былъ цѣлый рядъ старыхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ виленскихъ свято-духовскихъ братчиковъ: они присвоили себѣ дома, фольварки и другіе фундуши, пожертвованные Виленскому св.-троицкому братству, и употребляютъ доходы съ нихъ на возбужденіе бунтовъ и мятежей и на возмущеніе сеймовъ и сеймиковъ; они построили, безъ королевскаго разрѣшенія, на св.-троицкихъ земляхъ, св.-духовскую церковь и присвоили себѣ права и привилегіи св.-троицкаго братства; они отправили къ мнимому іерусалимскому патріарху въ Кіевъ Мелетія Смотрицкаго, добились посвященія его въ санъ полоцкаго архіепископа, дозволили ему совершать въ своей церкви архіерейскія службы; они, не обращая вниманія на состоявшійся надъ ними судъ и изданные королемъ универсалы, продолжали держать у себя этого Смотрицкаго, дозволяя ему посылать свои универсалы въ русскіе города, въ томъ числѣ и въ Полоцкъ. Результатомъ этихъ послѣднихъ и было (продолжала протестація) жестокое убійство невиннаго и святого человѣка, архіепископа Іосафата Кунцевича. Въ особенную вину виленскимъ православнымъ братчикамъ поставлено было то, что они выпустили изъ своей братской типографіи цѣлый рядъ книгъ въ защиту Θεофана и посвященныхъ имъ іерарховъ, и то, что они на наружной стѣнѣ братскаго зданія помѣстили его изображеніе, точно святого, и предписали простымъ людямъ имѣть у себя въ домахъ его изображенія (нарисованныя братчикомъ Евстратіемъ Зяловскимъ, награвированныя имъ въ Германіи и пущенныя въ продажу въ мелочныхъ лавкахъ). Послѣдними обвинительными пунктами, выставленными Рутскимъ противъ виленскихъ православныхъ братчиковъ, были слѣдующіе пункты: въ недавнее время съ ихъ вѣдома и по ихъ волѣ и совѣту Смотрицкій отправился въ Константино-

поль, стремясь привести уже въ дѣйствіе свои злонамѣренныя, весьма пагубныя для литовско-польскаго государства замыслы; они молятся въ своей церкви за посвященнаго Теофаномъ лже-митрополита Іова Борецкаго; они, наконецъ, безъ королевскаго разрѣшенія, задумываютъ строить каменную церковь и уже много навозили на братскій погостъ камня, кирпича и извести ¹²⁾).

Подъемъ уніатскаго религіозно-исповѣднаго возбужденія (есть нѣкоторыя основанія думать) не ограничивался одной литовской столицей. Оправдываясь осенью слѣдующаго (1625) года въ совершеніи прискорбнаго кіевскаго убійства (о немъ скажемъ ниже), запорожскіе казаки указывали на то, что они видѣли, что «творится въ великомъ княжествѣ литовскомъ, въ Бѣлоруссіи, на Воляни и на Подгорьѣ», что они видѣли «притѣсненія Божіихъ церквей стародавней греческой религіи», что они видѣли, что «духовнымъ православнымъ не дозволяютъ совершать въ нихъ свободно богослуженія, удаляютъ ихъ съ приходоу, отдавая ихъ уніатамъ» ¹³⁾. Митр. Іовъ

¹²⁾ М. О. Кояловичъ, Литов. церк. уніа, II, 353—359. Вилен. прав. братство дозволяло иногда и себѣ агрессивныя дѣйствія. По крайней мѣрѣ, митр. Рутскій (черезъ намѣстника своего въ Троиц. монастырѣ Симеона Яцкевича) позвалъ на судъ литов. главн. трибунала (на 27 іюля 1624 г.) духовныхъ представителей этого братства (упомянутыхъ выше) за васильственное лишеніе ими свободы перешедшаго въ унію, б. священника прав. Трокской церкви, шляхтича Филиппа Лимонта. Этотъ священникъ, непосредственно послѣ перехода его въ унію, посаженъ былъ въ св.-духов. монастырѣ въ заключеніе. Когда онъ ушелъ изъ него. Рутскій далъ ему мѣсто священника въ имѣніи вилен. рим.-катол. архидіакона и литов. референдарія Мальхера Еліашевича. Но 13 іюня 1624 г., въ бытность свою въ Вильнѣ, Лимонтъ. завлеченъ былъ въ засаду, схваченъ и опять посаженъ въ заключеніе въ духов. монастырѣ, „какъ дошла объ этомъ вѣсть“ до Рутскаго (Арх. уніат. митр., I, № 506, заявленіе вознаго о врученіи обвиняемымъ позова 24 іюля 1624 г.). Въ 1621 г. свящ. Ф. Лимонтъ, по уполномоченію старостъ Вилен. прав. братства кн. С. Б. Огинскаго и А. Корсака, внесъ ихъ протетачію въ трок. грод. книги (см. нашу „Сеймовую борьбу, III, 129). О предъидущей православной дѣятельности его сказано въ нашей статьѣ „Новые матеріалы для начальной исторіи сеймовой борьбы съ церк. уніей“ (Христ. Чт., 1908, іюньская книга, стр. 864)... Ректоръ и проповѣдникъ Іосифъ Левоничъ (Левонаевичъ, Леваніевичъ, какъ онъ еще въ приводимыхъ тутъ нами документахъ назывался), это—извѣстный Іосифъ Бобривичъ, въ уничтоженіе его названный безъ фамиліи, по одному отечеству (какъ тутъ же Мелетій Смотрицкій называется Максимомъ Герасимовичемъ).

¹³⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV. № 241, л. 619.

Борецкій лѣтомъ 1624 года такъ охарактеризовалъ общее положеніе своихъ православныхъ пасомыхъ: «Хуже предателей и завѣдомыхъ злодѣевъ, хуже враговъ креста Христова, хуже язычниковъ, терпимъ мы, народъ вѣрнопопданный, народъ невинный, народъ древне-христіанскій, преслѣдованія въ своемъ собственномъ государствѣ отъ этой Вавилонской, кровью опившейся, блудницы» ¹⁴).

Въ Кіевѣ самомъ уніатская іерархія не дала повода къ кровавому казацкому выступленію. Оно явилось въ немъ результатомъ независимо отъ нея сложившихся обстоятельствъ. 13 ноября 1624 г. скончался кіево-печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій. Согласно съ жалованными королевскими грамотами кіево-печерскому монастырю, право избранія его архимандрита принадлежало братіи монастыря и православному дворянству кіевского воеводства. Въ виду того, что смерть Плетенецкаго послѣдовала лишь за нѣсколько дней до открытія обычныхъ шляхетскихъ «городскихъ рочковъ», уже 20 того же ноября состоялось единоголасное избраніе братіей и дворянствомъ въ архимандриты кіево-печерскаго монаха Захаріи Копыстенскаго (предъуказаннаго и скончавшимся архимандритомъ) ¹⁵).

Право утвержденія архимандрита принадлежало королю. Извѣстно, что въ теченіе цѣлаго десятилѣтія послѣ введенія уніи кіево-печерскій монастырь былъ предметомъ спора между фактическими его архимандритами Никифоромъ Туромъ и Елисеємъ Плетенецкимъ и номинальными (но вмѣстѣ съ тѣмъ и легальными съ правительственной точки зрѣнія) архимандритами его—уніатскими митрополитами Михаиломъ Рагозой и Ипатіемъ Потѣмъ. Данное Сигизмундомъ III на сеймѣ 1603 года обѣщаніе предоставить (согласно со старыми жалованными грамотами) избраніе кіево-печерскаго архимандрита кіево-печерской братіи и кіевской шляхтѣ было первой сеймовой побѣдой православныхъ въ борьбѣ съ уніей вообще. Не смотря на данное обѣщаніе, только во время сейма 1605 года Сигизмундъ издалъ жалованную грамоту (отъ 22 февр.) о бытіи кіево-печерскимъ архимандритомъ Елисею Плетенецкому

¹⁴) Вилен. Арх. Сборн., VII, 81, письмо къ Хр. Радивилу 24 авг. 1624 г.

¹⁵) С. Т. Голубевъ, I, прил., 269—273. Подъ актомъ избранія подписалось 54 шляхтича.

(фактически нѣсколько уже лѣтъ, согласно избранію, управлявшему монастыремъ)¹⁶⁾. При такомъ, всѣмъ извѣстномъ, отношеніи Сигизмунда Ш къ дѣлу замѣщенія кіево-печерскаго архимандритства, королевское утвержденіе Захаріи Копыстенскаго, особенно быстрое утвержденіе, не для всѣхъ, вѣроятно, казалось дѣломъ, не возбуждающимъ никакихъ сомнѣній. Въ среду запорожскаго казачества откуда-то проникъ слухъ, что король собирается, минуя избраннаго архимандрита, отдать кіево-печерскую архимандрію князю Іереміи Чарторыйскому, что этотъ послѣдній собирается захватить ее хитростью, расположивши предварительно возлѣ Кіева, подъ видомъ обычныхъ лагерныхъ стоянокъ королевскаго войска, нѣсколько тысячъ человѣкъ. Движеніе къ Кіеву двухъ королевскихъ ротмистровъ (Лаща и Конецпольскаго), какъ разъ въ это время, какъ бы подтверждало достовѣрность слуха. Запорожскіе казаки повѣрили слуху и въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ явились въ Кіевъ, гдѣ совершили убійство «заподозрѣннаго» кіевскаго войта и посадили въ заключеніе трехъ посланныхъ на стоянку въ Кіевъ жолнеровъ изъ королевскаго военнаго отряда, стоявшаго въ Васильковѣ (мѣстечкѣ кіево-печерскаго монастыря). Этихъ жолнеровъ они приняли за людей кн. Чарторыйскаго¹⁸⁾.

Это произошло въ началѣ 1625 года («послѣ крещенія Христова». По не совсѣмъ, повидимому, точному разсказу казацкихъ пословъ (даже не упомянувшихъ о кіево-печерскомъ началѣ всего дѣла), митр. Іовъ Борецкій еще въ Филипповомъ посту написалъ запорожскому гетману Калиннику Андрееву и запорожскому войску о томъ, что поляки хотѣли въ Кіевѣ вѣру христіанскую ломать и церкви запечатали по почину («по умышленію и по присылкѣ») кіев. войта Теодора Ходыки и кіевскаго мѣщанина Созона. Въ виду этого гетманъ отправилъ въ Кіевъ двухъ полковниковъ Якима Чигрица и Антона Лазаренка, приказавши имъ собрать казаковъ въ окрестныхъ кіевскихъ городахъ и идти съ ними въ Кіевъ на защиту христіанской вѣры. Полковники, прійдя

¹⁶⁾ См. нашу „Сеймовую борьбу“, 427, 459.

¹⁸⁾ Проф. С. Т. Голубевъ (Петръ Могила, II, прил., 298—299) въ одномъ частномъ документѣ (отъ 17 февр. 1625 г.) Кіев. центр. архива нашелъ только-что приведенныя нами свѣдѣнія о начальномъ моментѣ дѣла объ убійствѣ Кіев. войта Ходыки,—свѣдѣнія, бросающія совсѣмъ новый свѣтъ на это дѣло.

послѣ Крещенія съ казаками въ Кіевѣ, церкви распечатали, а войта Ходыку и единомышленныхъ съ нимъ мѣщанъ схватили («переимали») ¹⁹⁾.

Едва ли Ходыка имѣлъ какое-либо существенное отношеніе къ дѣлу избранія кіево-печерскаго архимандрита. Но осенью 1624 года онъ позволилъ себѣ предпринять какія-то мѣры преслѣдованія противъ православныхъ. Казацкіе посланцы говорили путивльскому воеводѣ, что по его почину и распоряженію запечатаны были въ Кіевѣ православныя церкви. Осенью 1625 года казаки говорили королевскимъ комиссарамъ, что «войтъ осмѣлился не только запечатывать церкви въ Кіевѣ, отнимать отъ приходоѡвъ принадлежащіе имъ доходы, издавна имъ предоставленные, но и поносить язвительными, вредящими доброй славѣ, словами нашего кіевскаго митрополита и насъ самихъ» ²⁰⁾. На основаніи приведенныхъ нами казацкихъ свидѣтельствъ трудно составить себѣ ясное представленіе о томъ, какъ далеко пошли направленныя противъ православной церкви дѣйствія войта Ходыки, сколько православныхъ церквей въ Кіевѣ онъ запечаталъ. Едва ли можно казацкое сообщеніе о запечатаніи Ходыкою осенью 1624 года церквей въ Кіевѣ понимать въ очень широкомъ смыслѣ. Этому препятствуетъ и самое тогдашнее положеніе Кіева, какъ окраиннаго, православно-русскаго по преимуществу, города, и не столь важное значеніе должности войта вообще, и общій характеръ самага тогдашняго момента южно-русской жизни. Но несомнѣнно какое-то посягательство на свободу православнаго богослуженія войтомъ Ходыкою и его единомышленниками изъ числа кіевскихъ мѣщанъ было сдѣлано. Войтъ Ходыка самъ былъ въ душѣ уніатъ ²¹⁾, и заботы, если не о дальнѣйшихъ

¹⁹⁾ Кулишъ, Матер., I, 159—160, отписка Путивльскихъ воеводъ о казацкомъ посольствѣ въ Москву.

²⁰⁾ Malinowski i Przewdzicki; Źródła do dziejow Polskich, II, 176. отъѡтъ запорож. войска на декларацію королевскихъ комиссароѡвъ (данный 28 окт. 1625).

²¹⁾ Митр. Рутскій впоследствии писалъ, что казаки обезглавили шестидесятилѣтняго уже Ходыку за то, что онъ говорилъ, что онъ не признаетъ митрополитомъ живущаго теперь въ Кіевѣ митрополита, а признаетъ имъ того, кто дѣйствительно митрополитъ (рук. библ. Имп. Академіи Наукъ, Собр. еп. Павла Доброхотоѡа, Processus canonisationis Jozaphat Kuncewicz, Реляція Рутскаго о жизни, смерти и чудесахъ locafata Кунцевича; ср. въ переводѣ на пол. языкъ въ Roczniku Towarzystwa Historyczno—literackiego w Paryżu. Rok. 1868 (Paryż, 1869), имѣющемся теперь въ Славян. отдѣлѣ бібліотеки Академіи Наукъ, стр. 55).

успѣхахъ уніи въ Кіевѣ, то объ охранѣ ея интересовъ здѣсь, не могли быть чуждыми ему ²²).

Въ связи съ убійствомъ войта Ходыки стояло убійство священника кіевской Васильевской церкви (находившейся «на софійскихъ грунтахъ, на горѣ») Іоанна Юзефовича. Королевскіе комиссары указывали казакамъ на то, что они «безъ вины и жестоко умертвили войта, хорошаго человѣка, и попа своей вѣры». Казаки въ свое оправданіе писали, что «упомянутый войтъ по почину того попа» осмѣлился запечатывать въ Кіевѣ церкви и поносить православнаго митрополита и казаковъ ²³). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ убійства свящ. Юзефовича находятся въ жалобѣ, принесенной королевскимъ комиссарамъ на запорожское войско кіевскимъ софійскимъ намѣстникомъ уніатскаго митрополита Мартиномъ Корсакомъ (при завершеніи уже дѣйстви комиссіи). Живущіе въ Кіевѣ запорожскіе казаки (по словамъ Корсака), призвавши иныхъ казаковъ, схватили священника Васильевской цер-

²²) Предиринятыя войтомъ Хадыкою въ 1624 году мѣры въ защиту уніи, можетъ быть, стояли въ связи съ совершившимися въ предыдущемъ году враждебными ей дѣйствіями городского магистрата и мѣщанъ. Въ архивѣ уніат. митр. (I, №№ 496), сохранилось три позова въ коронный трибуналъ митр. Рутскимъ трехъ членовъ кіев. магистрата (писаря Іова Дробыша, радцы Даніила Зелезковича и бурмистра Матея Мачосы) за то, что они съ другіми судовыми урядниками и съ толпой мѣщанъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, 18 сент. 1623 года, совершили нападеніе на митрополичьи владѣнія. Всѣ они, собравшись съ оружіемъ въ рукахъ, вышли съ большимъ шумомъ изъ города почти въ полдень и мимо королевскаго замка поднялись на Софійскую митрополичью гору. Тутъ они прежде всего страхомъ розогнали митрополичьихъ мѣщанъ изъ ихъ домовъ. Не имѣя возможности всѣ вмѣстѣ пройти къ митрополичьему двору переулкомъ, они разломали заборы у огородовъ и двора. Ворвавшись съ большимъ крикомъ въ митрополичій дворъ, язвительными словами поносили митрополита, а митрополичьяго слугу шляхтича Александра Брохоцкаго подвергли побоямъ и, выведши за ворота, собирались бить палками, но этого не допустилъ мѣщанинъ Созонъ Балыка. Ворвавшись въ свѣтлицу, избили и изравили мужчинъ и женщинъ, которые по прежнему обычаю „пѣли канонъ“. Ворвавшись въ кладовую, завладѣли медами и питьями, причинивши убытку имъ болѣе, чѣмъ на тысячу золотыхъ. Убытокъ, причиненный самому митрополиту всѣмъ этимъ замѣшательствомъ, особенно же прекращеніемъ спокойной торговли напиками въ его шинкахъ, дошелъ до десяти тысячъ золотыхъ.

²³) Malinowski i Przedziecki, II, 169—170, декларація королев. комиссаровъ отъ 27 окт. 1625 г. и отвѣтъ на нее запор. казаковъ. Декларация и отвѣтъ напечатаны ими безъ точной даты. Точно датированы они въ рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV, №№ 241, 175, 29, 76, 96.

кви, подвѣдомаго митрополиту (уніатскому) и владѣвшаго этою церковью по жалованной королевской грамотѣ и по назначенію митрополита, и безъ суда велѣли его обезглавить. Васильевскую церковь они взяли въ свое владѣніе, жалованныя грамоты и всѣ фундуши на разное имущество, принадлежащее этой церкви, также взяли себѣ и до сего времени незаконно удерживаютъ ихъ у себя ²⁴). На предъявленное къ нимъ обвиненіе кіевскіе казаки Соленикъ и Кизимъ ²⁵) отъ лица всѣхъ и особо гетманъ запорожскаго войска Михайль Дорошенко съ полковниками, эсаулами и судьями своими отвѣтили, что они никогда не приказывали отнимать ту церковь и принадлежащее ей имущество, и они войскомъ не отобраны, и оно отъ нихъ отказывается ²⁶). При исполненіи

---

²⁴) Іоаннъ Юзефовичъ прежде былъ священникомъ Воскресен. церкви на Подоль, но удаленъ былъ отъ нея прихожанами. Тогда онъ принялъ унію и получилъ отъ уніат. митрополита въ свое завѣдываніе нагорныя Васильевскую и Воздвиженскую церкви (около 1615 года). Вскорѣ эти церкви онъ переуступилъ своему сыну Моисею, а себѣ выхлопоталъ, при содѣйствіи уніат. властей, королевскую жалованную грамоту на вышеупомянутую Воскресенскую церковь. Но противъ этого возстали прихожане этой послѣдней, оспаривая законность королевской грамоты, на томъ основаніи, что церковь построена ими на купленной ими землѣ. Начался между Юзефовичемъ и православными воскресенскими прихожанами судебный процессъ въ королевскомъ задворномъ судѣ (С. Т. Голубевъ, П. Могила, I, прил., 211—214, королев. декретъ отъ 1 марта 1616 г.). Процессъ, повидимому, затянулся. вступить въ фактическое владѣніе Воскресенскою церковью Юзефовичу не удалось, и онъ остался при завѣдываніи Васильевской церкви, тѣмъ болѣе, что его сынъ Моисей былъ несовершеннолѣтнимъ (ibid., II, прил., 442—443).

²⁵) Въ 1620 г. полковникъ запор. войска Богданъ Кизимъ находился возлѣ патр. Теофана, когда послѣдній пустился было въ обратный путь къ молдавской границѣ. Его заботамъ королевскій коморникъ Почановскій поручилъ патріарха, когда онъ самъ, въ виду неблагопріятнаго оборота турецко-польскихъ отношеній, поспѣшилъ къ королевскому двору (см. нашу „Сеймовую борьбу“, III, 42).

²⁶) Королевскіе комиссары 21 янв. 1626 г. въ Кіевѣ (ихъ оставалось уже только двое—галиц. кашт. Мартинъ Казановскій и кiev. подкоморій Стефанъ Немиричъ) приказали передать черезъ замковый урядъ и вознаго Васильевскую церковь съ принадлежащимъ къ ней имуществомъ митрополиту (уніатскому) и его капитулѣ,—передать въ теченіе двухъ недѣль со дня изданія настоящаго декрета... Подлинный декретъ сохранился въ архивѣ уніат. митрополитовъ (I, № 525, л. 1—2). Тутъ же и выписъ его изъ кiev. град. книгъ (л. 6—7). Напечатанъ онъ въ Кіев. Епарх. Вѣд. за 1873 г., № 17, стр. 481—483). Имѣется отдѣльный оттискъ этого изданія П. Г. Лебединцева подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исто-

комиссарскаго декрета намѣстникомъ кievскаго подвоеводы (Феодора Ельца) Александромъ Солтаномъ (4 февр. 1626 г.) оказалось, что послѣ убійства свящ. Юзефовича надъ жившими на грунтѣ и на плацахъ возлѣ Васильевской церкви подданными въ теченіе минувшаго года совсѣмъ не было никакого владѣльца, или старшаго, и что они никому еще не давали кунницъ или чиншей. Намѣстникъ Михайловскаго монастыря, отецъ Никодимъ, отъ имени игумена его и чернецовъ, на предложенный имъ Корсакомъ вопросъ отвѣтилъ, что они не имѣютъ касательства къ Васильевской церкви и ея имуществу, и знать о нихъ не хотятъ ²⁷⁾.

Изъ приведенныхъ нами данныхъ видно, что въ дѣлѣ отобранія Васильевской церкви нападающей стороною были православные (кievскіе казаки), а не уніаты: эта церковь издавна была уніатскою. Но изъ тѣхъ же данныхъ видно, что не сама по себѣ Васильевская церковь (въ ней послѣ отобранія и службы церковной православной не совершалось), тѣмъ болѣе не земельныя владѣнія этой церкви (цѣлый годъ послѣ отобранія дохода съ нихъ никому не вносились), были основной причиною прискорбнаго январскаго убійства. Основной причиною его была, повидимому, самая личность убитаго священника. Сначала (при Воскресен. церкви) онъ былъ православнымъ, потомъ (при Васильев. церкви) сталъ уніатомъ, но при этомъ не оборвалъ совсѣмъ своихъ отношеній къ православнымъ кievлянамъ. Онъ игралъ въ Кіевѣ вообще какую-то двусмысленную роль. Нѣкоторое указаніе на это можно видѣть даже въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя сообщаетъ о немъ митр. Рутскій. «Хотя онъ (пишетъ Рутскій объ Юзефовичѣ) не былъ со мною въ духовномъ общеніи, однако черезъ нѣ-

---

рїи Кіев. митрополїи“... Королев. комиссаръ Стефанъ Немиричъ, кiev. подкоморїй, былъ православный. Онъ первымъ подписался подъ актомъ избранія Захарїи Копыстенскаго на кievо-печерскую архимандрїю.

²⁷⁾ Ibid., стр. 484—488 (въ архивномъ дѣлѣ л. 3). Намѣстникъ тогда же передалъ митрополиту и капитулѣ Васильевскую церковь и принадлежащихъ къ ней подданныхъ съ юрисдикціей надъ ними, со всѣми ихъ пожитками, полями, грунтами, озерами и уходами. Самая церковь оказалась незапертой, никакой утвари въ ней не было... Донесеніе возныхъ о дѣйствїяхъ и распоряженїяхъ намѣстника, внесенное 26 февр. 1626 г. въ Кіев. грод. книги. см. *ibid.* (въ архивн. дѣлѣ л. 4—5; ср. дѣло архива уніат. митрополитовъ, I, № 444, заявленіе возныхъ отъ 6 февр. 1626 года (въ печатномъ Описаниіи тутъ ошибочно указанъ 1620 годъ вмѣсто 1626 года).

сколько лицъ, приходившихъ отсюда къ намъ, онъ проситъ меня помнить о немъ, потому что ему опротивѣло жить въ этомъ безпорядкѣ, и это даетъ намъ увѣренность въ его спасеніи». Далѣе, говоря о самомъ убійствѣ Юзефовича, Рутскій продолжаетъ: «Кромѣ того, трижды казаками спрошенный: «уніать ли онъ», онъ не отрекся отъ уніи. Если бы онъ это сдѣлалъ, онъ остался бы живъ. И хотя отвѣчалъ двусмысленно (потому что, когда его спрашивалъ, принадлежить ли онъ къ уніи, онъ сказалъ, что душа его—въ уніи съ Богомъ), однако не отрицалъ» (своей принадлежности къ уніи) ²⁸⁾.

Убійство войта Ходыки и священника Юзефовича было лишь наиболѣе яркимъ проявленіемъ январской казацкой расправы въ Кіевѣ. Область ея дѣйствія была шире. Казаки, по словамъ извѣстной деклараціи королевскихъ комиссаровъ, оскорбили самого намѣстника кіевскаго подвоеводы и дѣлали ему угрозы. Иныхъ заподозрѣнныхъ ими лицъ они посадили въ заключеніе и отдали на поруки, разграбили ихъ имущество. Непріятельски напали на кіевскій рим.-католическій монастырь, избили въ немъ священника, отняли землю, устроили на ней хуторъ. Казаки, въ отвѣтъ на эти обвиненія, говорили, что о нападеніи на католическій монастырь, объ избіеніи монаха и объ оскорбленіи намѣстника кіевскаго подвоеводы ничего тогда не было слышно въ войскѣ запорожскомъ. Еслибы это случилось, виновные въ своеволіи казаки понесли бы заслуженное наказаніе. Что же касается земли, отнятой у монастыря, то она издавна принадлежала не монастырю, а церкви св. Василія (о чемъ кіевскіе жители могутъ дать надлежащія свѣдѣнія, если въ нихъ окажется надобность) ²⁹⁾. Запорожскіе казаки, какъ видимъ, не отрицали предъявленныхъ имъ обвиненій въ полномъ ихъ объемѣ.

Изображенную нами казацкую расправу, сопровождавшуюся двумя убійствами, едва ли справедливо поставить въ вину запорожскому войску въ его цѣломъ, запорожской войсковою старшинѣ съ гетманомъ во главѣ. Митр. Рутскій, какъ мы видѣли выше, виновными въ убійствѣ священника Юзефовича считалъ собственно кіевскихъ казаковъ, и представители именно этихъ казаковъ особо и прежде всего оправдывались передъ королевскими комиссарами въ этомъ преступленіи. Да и ка-

²⁸⁾ Ср. цитированную въ прим. 21 Реляцію.

²⁹⁾ Ср. прим. 23.

зацкіе посланцы говорили въ Путивлѣ не о посылкѣ гетманомъ Андреевымъ особаго отряда изъ-за пороговъ, а лишь объ отправкѣ имъ въ Кіевъ двухъ полковниковъ, которымъ предложено было созвать казаковъ, живущихъ «въ литовскихъ кіевскихъ окольныхъ городахъ». Приписать запорожскому гетману и войскою запорожскою старшинѣ преднамѣренное убійство Ходыки и Юзефовича тѣмъ болѣе затруднительно, что не задолго до этого убійства они, въ виду скорого открытія сейма въ Варшавѣ, предприняли такіе шаги, успѣху которыхъ это убійство всего сильнѣе должно было помѣшать.

На этотъ сеймъ запорожское войско снарядило особое посольство, состоявшее изъ Яцка Острожанина, Іліи Ѳедоровича и Дацка Гардѣенка. Главною цѣлью этого посольства было ходатайство передъ центральнымъ польскимъ правительствомъ о повышеніи размѣра его денежныхъ субсидій запорожскому войску въ виду наступившей перемѣны въ татарскихъ отношеніяхъ. По словамъ данной посольству инструкціи, запорожскіе казаки вслѣдствіе заключенія мирнаго договора съ татарами («за змиреньемъ ордъ») терпятъ и будутъ впредь терпѣть убытки. Оно должно было просить польское правительство, во вниманіе къ прежнимъ заслугамъ запорожскаго войска, удовольствовать его ежегоднымъ назначеніемъ ему изъ государственной казны соотвѣтствующаго жалованья («чимъ знаменитымъ контентовати»), чтобы удовольствованные имъ казаки съ тѣмъ болѣе охотой и рвеніемъ всегда готовы были выступить на защиту государства.

Но на ряду съ основнымъ военно-финансовымъ ходатайствомъ, въ инструкціи войска запорожскаго очень много мѣста отведено было общимъ южно-русскимъ религіозно-церковнымъ дѣламъ. Казацкому посольству поручено было ходатайствовать о сохраненіи всѣхъ древнихъ правъ и вольностей православной («нашей русской») вѣры. Въ частности ему поручено было ходатайствовать объ изданіи королевскихъ жалованныхъ утвердительныхъ грамотъ митрополиту Іову Борецкому и владыкамъ и о надѣленіи ихъ церковными имѣніями... Оффиціальное признаніе возстановленной четыре уже слишкомъ года тому назадъ высшей православной церковной западно-русской іерархіи и въ интересующій насъ историческій моментъ представляло для православной церкви дѣло первостепенной важности. Запорожское казачество, принявшее такое существенное участіе въ самомъ фактѣ возстановленія этой

іерархіи, обращалось къ королю съ ходатайствомъ о признаніи ея еще передъ сеймомъ 1621 года черезъ особаго уполномоченнаго своего, полковника Петра Конашевича-Сагайдачнаго. На сеймѣ 1623 года оно прямо уже вмѣшалось въ борьбу съ уніей, потребовавши оффиціального признанія посвященныхъ патр. Теофаномъ западно-русскихъ іерарховъ и отмѣны изданныхъ противъ нихъ королемъ универсаловъ. На сеймѣ 1624 года активнаго участія въ борьбѣ за православную іерархію оно не приняло, и этимъ по преимуществу и объясняется безуспѣшность на немъ этой борьбы. Теперь, къ сейму 1625 года запорожское казачество опять возбуждало старый вопросъ, и ставило его въ прежней формѣ. Оно по прежнему ходатайствовало объ оффиціальномъ признаніи высшей православной іерархіи со всѣми ея имущественными правами. Вмѣстѣ съ этимъ оно просило воспретить уніатамъ («которые братьевъ нашихъ мучать») преслѣдовать православныхъ съ ихъ церквями и велѣть имъ изъ этихъ послѣднихъ уйти.

Особое ходатайство къ королю поручено было запорожскому посольству внести по дѣлу избранія кіево-печерскаго архимандрита. Оно должно было просить короля не нарушать въ кіево-печерскомъ монастырѣ мира: утвердить въ должности архимандрита этого монастыря Захарію Копыстенскаго, избраннаго, согласно съ древними правами и привилегіями монастыря, сначала печерскою монастырскою братією, а потомъ всею шляхтою кіевскаго воеводства. Въ ходатайствѣ указывалось еще на то, что Захарія Копыстенскій угодень («згодне уподобанаго») всему войску запорожскому, какъ человѣкъ доброй монашеской жизни и весьма свѣдущій въ священномъ писаніи ³⁰⁾.

Митр. Іовъ Борецкій еще лѣтомъ 1624 года занять былъ мыслью о будущемъ сеймѣ. Въ письмѣ (отъ 24 авг.) къ литовскому польному гетману Христ. Радивилу (предводителю литовской оппозиціонной королю партіи) онъ просилъ его взять подъ свою защиту дѣло стародавней греческой религіи, какъ на тѣхъ предсеймовыхъ сеймикахъ, на которыхъ придется ему лично присутствовать, такъ и на тѣхъ, на которые онъ пошлетъ своихъ особыхъ депутатовъ ³¹⁾. Но о содержаніи вышеприведенной нами инструкціи запорожскаго войска митр.

³⁰⁾ С. Т. Голубевъ, I, прил., 276—277.

³¹⁾ Вилен. Арх. Сборн., VII, 82.

Іовъ въ началѣ 1625 года не имѣлъ точныхъ свѣдѣній. Объ этой инструкціи и объ отправленномъ съ нею въ Варшаву казацкомъ посольствѣ онъ случайно узналъ, находясь въ южной части кievской земли, въ Корсуни, откуда 12 января ³²⁾ онъ написалъ письмо въ Вильну, ректору школь и проповѣднику Св. Духова монастыря, іеромонаху Іосифу Бобриковичу съ извѣщеніемъ его о казацкомъ сеймовомъ посольствѣ. Митр. Іовъ разѣхался въ дорогѣ съ посольствомъ казацкимъ. Узнавши объ этомъ, онъ поспѣшилъ въ догонку послать казацкимъ посламъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, просилъ ихъ совѣтоваться обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ съ виленскими православными братчиками. Самого Іосифа Бобриковича (въ послужившемъ намъ матеріаломъ для всѣхъ этихъ свѣдѣній письмѣ) митр. Іовъ просилъ оказать казацкимъ посламъ доброе вниманіе и содѣйствіе въ ихъ дѣлѣ. Кромѣ письма, онъ переслалъ черезъ нихъ же Бобриковичу нѣсколько чистыхъ листовъ со своею подписью и печатью для написанія на нихъ Бобриковичемъ, въ случаѣ надобности, писемъ отъ лица его (митрополита) къ литовскому гетману (Христ. Радивилу), къ краков. каштеляну (кн. Ю. Збаражскому) и къ королю. Въ заключеніе письма, митр. Іовъ посылалъ свое благословеніе виленскимъ православнымъ братчикамъ и избраннымъ въ Литвѣ на сеймъ земскимъ посламъ ³³⁾.

Такимъ образомъ высшій представитель возстановленной православной іерархіи, не смотря на неуспѣшность предыдущей сеймовой борьбы православныхъ съ уніей, продолжалъ принимать тѣ или другія мѣры къ дальнѣйшему веденію ея. Но едва ли много надежды было уже у него на какой-нибудь серьезный успѣхъ въ ней. Отрицательное уже на нѣсколькихъ сеймахъ отношеніе къ дѣлу возстановленной православной іерархіи не одного короля съ сенатомъ, но и большинства шляхетскаго сеймоваго представительства не могло не на-

³²⁾ Изъ факта нахождения митр. Іова 12 января 1625 года въ отдаленной части его кievской епархіи вытекаетъ, что въ моментъ убійства „послѣ крещенія Христова“ въ Кіевѣ Хадьки и Юзефовича его не было въ Кіевѣ. Въ самомъ письмѣ его отъ 12 января объ этомъ убійствѣ ни однимъ словомъ не упомянуто. Вѣроятно, убійство произошло нѣсколько дней спустя послѣ 6 января. До него, въ Корсунь, къ 12 янв. не успѣла во всякомъ случаѣ прийти вѣсть о немъ... 24 янв. 1625 г. Іовъ находился въ Терехтемировѣ (Кулишъ, I, 161—162). Въ Корсунь м. Іовъ ѣздилъ для осыяненія церкви (тамъ же, 268).

³³⁾ С. Т. Голубевъ, I, прил., 273—275.

страивать его на самый минорный тонъ. Уже лѣтомъ 1624 года у митр. Іова явилась мысль искать спасенія въ совсѣмъ иномъ мѣстѣ и совсѣмъ иными средствами. Того же 24 августа, которымъ помѣчено письмо митр. Іова къ Христ. Радивилу, онъ написалъ письмо къ московскому царю Михаилу Ѳеодоровичу. Въ этомъ письмѣ, указавши на то, что посвященные патр. Ѳеофаномъ архіереи укрываются въ послѣднее время подъ крыльями христололюбиваго запорожскаго воинства, онъ писалъ, что они рѣшили войти въ непосредственныя личныя сношенія съ великодержавнымъ царскимъ величествомъ. Митрополитъ просилъ царя разрѣшить явиться къ нему луцкому епископу Исаакію Борисковичу, «мужу во всемъ вѣрному и тайну царскую могущему сохранить». Самъ Исаакій, прося у патриарха Филарета (22 авг. 1624 г. изъ Кіево-Михайловскаго монастыря) разрѣшенія на прибытіе въ Москву, писалъ, что «нужнѣйшее потребно, еже ми есть вручено, не есть мощно писанію предати»... 14 января 1625 года въ Москвѣ епископъ Исаакій объяснилъ кн. Ив. Бор. Черкасскому и думному дьяку Грамотину, что ему поручено бить челомъ великому государю о томъ, чтобы онъ принялъ Малороссію подъ свою высокую руку и защитилъ ее отъ поляковъ. Въ отвѣтъ на возраженія Черкаскаго и Грамотина, онъ говорилъ далѣе: «у насъ та мысль крѣпка; мы всѣ царской милости рады и подъ государевою рукою быть хотимъ; объ этомъ совѣтоваться между собою будемъ, но теперь боимся, если поляки на насъ наступятъ скоро, то намъ, кромѣ государственной милости, дѣться негдѣ. Если митрополитъ, епископы и войско запорожское прибѣгнутъ къ царской милости и поѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы, отринуть не велѣлъ, а имъ, кромѣ государя, дѣться негдѣ»³⁴⁾.

Читая московскій официальный разсказъ о сдѣланныхъ епископомъ Исаакіемъ политическихъ заявленіяхъ, мы при-

---

³⁴⁾ Кулишъ, I, 132—136; митр. Макарій, XI, 317—318. Вслѣдъ за епископомъ Исаакіемъ отправилось въ Москву особое казацкое посольство, изъ 13 человекъ, съ Ив. Вас. Гирей во главѣ. Оно выѣхало изъ Запоржія 1 янв., а 7 февр. 1625 г. было уже въ Путивлѣ. вмѣстѣ съ казацкими послами ѣхали въ Москву двое посланцевъ султана Ахіи, въ крещеніи Александра Оттомана, которые допрошены были въ Москвѣ 21 марта 1625 г. Въ привезенномъ ими письмѣ къ царю (отъ 1 янв. 1625 г.) Ахіи этотъ послѣдній просилъ у него помощи для достиженія турецкаго престола (Кулишъ, I, 157—161, 168—172).

сутствуемъ при самомъ, такъ сказать, зарожденіи мысли о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ. Мысль эта еще неясна и нетверда. Она страдаетъ какъ бы нѣкоторою двойственностью: на смѣну присоединенія Малороссіи къ Москвѣ въ концѣ рѣчи Исаакія является переселеніе въ московскіе предѣлы высшей южно-русской іерархіи и запорожскаго казачества... Неудивительно, что московское правительство отнеслось сдержанно къ предложеніямъ Исаакія: отпущень онъ былъ изъ Москвы (23 февр.) съ честью, съ соотвѣтствующими дарами; дано обѣщаніе поразмыслить о томъ, какъ бы православную вѣру въ Малой Россіи видѣть въ избавленіи отъ еретиковъ; для переживаемаго же момента ничего реальнаго не обѣщано. Но хотя изъ миссіи епископа Исаакія ничего не вышло въ практическомъ смыслѣ, самый фактъ этой миссіи не лишень серьезнаго значенія. Онъ очень характеристиченъ для опредѣленія настроенія, ставшаго тогда образовываться на русскомъ югѣ польскаго государства. Въ то время, когда подготовлялся и собирался варшавскій сеймъ по вопросу объ отношеніяхъ Польши къ западно-европейскимъ дѣламъ, на этомъ югѣ, оказывается, обсуждали совсѣмъ другой вопросъ— объ отношеніяхъ своихъ къ единоплеменной и единовѣрной Москвѣ. Во главѣ вновь пародившагося теченія южно-русской общественной жизни стала возстановленная патр. Теофаномъ высшая церковная іерархія, потерявшая, очевидно, надежду на успѣхъ своего дѣла въ Польшѣ, въ сеймовой борьбѣ за свои права.

Сношенія запорожскаго казачества съ Москвой, обращенія къ ней же высшей южно-русской православной іерархіи, не укрывшіяся совсѣмъ отъ вниманія центрального польскаго правительства, еще болѣе осложняли общее теченіе тогдашней южно-русской жизни, въ руководящихъ, по крайней мѣрѣ, ея сферахъ. Вообще въ продолженіе 1624 года на русскомъ югѣ польскаго государства обычныя тревоги его жизни, создаваемые Запорожьемъ, нисколько не уменьшились, не смотря на наступившую въ казацко-татарскихъ отношеніяхъ временную перемины. Но центръ тяжести польской внѣшней политики интересующаго насъ историческаго момента лежалъ не въ дѣлахъ и отношеніяхъ русскаго юга польскаго государства. Всѣ политическія стремленія правительства Сигизмунда III обращены были на сѣверъ, и новое осложненіе польско-шведскихъ отношеній было основною причиною созванія январскаго сейма 1625 года.

Отказъ предыдущаго сейма въ денежныхъ ассигнованіяхъ на шведскую войну побудилъ польское правительство позаботиться о продленіи перемирія съ Густавомъ-Адольфомъ. Въ концѣ апрѣля 1624 года открылись засѣданія польско-шведской (инфлянтской) комиссіи. Выдвинутыя съ шведской стороны затрудненія были устранены, и перемиріе между Польшей и Швеціей было продолжено до конца марта 1625 года, съ тѣмъ добавленіемъ, что если оно въ теченіе этого года не будетъ оффиціально отмѣнено, то должно дѣйствовать еще одинъ годъ. Перемиріе было заключено на томъ условіи, чтобы каждая сторона владѣла тѣмъ, что фактически ей принадлежало въ моментъ его заключенія.

Густавъ-Адольфъ согласился на продленіе перемирія съ Польшей, такъ какъ въ первые мѣсяцы 1624 года опасался войны съ Даніей. Но въ теченіе 1624 года въ отношеніяхъ Швеціи къ Даніи произошла большая перемѣна, стоявшая въ связи съ новымъ ходомъ дѣлъ въ Зап. Европѣ вообще. Подъ воздѣйствіемъ Англій, измѣнившей направленіе своей внѣшней политики, лѣтомъ 1624 года явилась мысль объ образованіи враждебнаго Габсбургамъ союза изъ Англій, Даніи, Швеціи, Голландіи и протестантскихъ государствъ Германіи. Датскій король Христіанъ IV сначала отнесся къ этой мысли не особенно сочувственно. Напротивъ, Густавъ Адольфъ явился горячимъ защитникомъ идеи проектированнаго Англіей противогабсбургскаго союза. Неожиданное содѣйствіе этому союзу онъ нашель у бранденбургскаго курфюрста. Въ то же время Франція вмѣстѣ съ Англіей дѣйствовали противъ Габсбурговъ въ Константинополѣ. Во все предыдущее время польское правительство Сигизмунда III держало сторону имп. Фердинанда II и католической коалиціи. Проектированный противогабсбургскій союзъ поэтому не могъ не беспокоить правительство Сигизмунда III. Притомъ же французская дипломатія солизила семиградскаго воеводу Бетлемъ-Габора съ бранденбургскимъ дворомъ. Союзъ Семиградіи, Пруссіи и Швеціи прямо направлень былъ противъ Польши. Бетлемъ-Габоръ всегда могъ сдѣлать диверсію въ сторону Польши и удержать ее отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Швеціи. Лѣтомъ 1624 года Сигизмундъ III имѣлъ въ своихъ рукахъ перехваченную переписку Бетлемъ-Габора съ бранденбургскимъ курфюрстомъ Георгомъ-Вильгельмомъ. Вообще во все продолженіе 1624 года противъ имп. Фердинанда II и католической партіи постепенно образовывался

многосоставный союзъ. Во главѣ его въ концѣ концовъ долженъ былъ стать датскій король Христіанъ IV, хотя онъ мнѣе другихъ заинтересованъ былъ въ возвращеніи курфюршества Фридриху V (зятю англійскаго короля Якова I), лишенному его имп. Фердинандомъ II. Онъ вынужденъ былъ согласиться стать во главѣ направленнаго противъ императора союза, чтобы не допустить утвержденія Швеціи въ сѣверной Германіи (въ январѣ 1625 г.). При такомъ оборотѣ дѣла на долю Густава-Адольфа падала обязанность отвлечь силы Польши отъ помощи Фердинанду II. Такимъ образомъ, продолженное до конца марта 1625 года перемиріе съ Швеціей правительству Сигизмунда III не должно было внушать надеждъ на свою прочность и устойчивость. Тѣмъ естественнѣе было въ его положеніи хлопотать о своевременномъ принятіи надлежащихъ мѣръ военной предосторожности. Къ этому нужно присоединить никогда не покидавшее Сигизмунда III стремленіе возвратитъ себѣ наслѣдственный шведскій престоль. Если Густавъ-Адольфъ строилъ широкіе планы на вновь образовавшейся въ 1624 году противо-габсбургской коалиціи, то и Сигизмундъ могъ попрежнему вѣрить въ дальнѣйшій успѣхъ политики Фердинанда II и своей. Сигизмундъ III тѣмъ болѣе могъ надѣяться на осуществленіе своихъ шведскихъ политическихъ мечтаній, что весной 1624 года въ самой Швеціи подъ вліяніемъ недовольства постоянной поставкой рекрутовъ для заморскихъ походовъ Густава-Адольфа вспыхнули крестьянскія волненія, осложнившіяся участіемъ въ нихъ солдатъ, недовольныхъ нѣкоторыми своими начальниками. Шведское правительство, вскорѣ подавившее волненія, прослѣдило участіе въ нихъ тайныхъ агентовъ (іезуитовъ) Сигизмунда III.

Осложненіемъ, не смотря на продолженное перемиріе, польско-шведскихъ отношеній и объясняется ускоренное созваніе сейма. Уже вскорѣ послѣ сейма 1624 года Сигизмундъ III счелъ нужнымъ письменно спросить у сенаторовъ ихъ мнѣнія по вопросу о польско-шведской войнѣ, въ виду новыхъ военныхъ замысловъ Густава-Адольфа. Сигизмундъ писалъ имъ, что дѣло идетъ уже о послѣднихъ остаткахъ Инфлянтъ, о Пруссіи, о данцигскомъ портѣ... Большая часть сенаторовъ уже тогда высказалась за скорое созваніе сейма, хотя и не возлагала особыхъ надеждъ на финансовую щедрость шляхты. По прежнему среди сенаторовъ преобладалъ взглядъ на шведскую войну, какъ на касающуюся ближайшимъ образомъ великаго

княжества Литовскаго. Но нѣкоторые изъ сенаторовъ лучше уже прозрѣвали будущее. Краковскій каштелянъ кн. Ю. Збаржскій выражалъ предположеніе, что Густавъ-Адольфъ не пойдетъ въ Инфлянты, въ край опустошенный и голодный, не пойдетъ и въ Литву, далекую для него, а двинется въ Пруссію, въ Данцигъ ³⁵).

Господствовавшіе среди коронной шляхты взгляды на преимущественную заинтересованность великаго княжества Литовскаго въ шведской войнѣ давно возбуждали справедливое неудовольствіе среди шляхты литовской, и она въ своемъ неудовольствіи тѣмъ болѣе была права, что однихъ средствъ литовской казны было, дѣйствительно, совсѣмъ недостаточно для успѣшнаго веденія этой войны. Притомъ же, хотя исходный пунктъ войны лежалъ всего менѣе въ литовско-шведскихъ отношеніяхъ, литовская шляхта никогда не отказывалась отъ предоставленія такихъ или иныхъ средствъ на нее. Чувство раздраженія и недовольства литовской шляхты сказалось уже на послѣсеймовыхъ реляційныхъ сеймикахъ. Объ этомъ можно судить по постановленіямъ новгородскаго релиційнаго сеймика, происходившаго 27 марта 1624 года. Этотъ сеймикъ прямо началъ свое постановленіе выраженіемъ своего неудовольствія по тому поводу, что сеймы, которые раньше были мастерской законовъ, стражемъ свободы и крѣпкой стѣной противъ всякихъ государственныхъ опасностей, оканчиваются теперь безъ надлежащаго результата, и всю тяжесть серьезныхъ дѣлъ возлагаютъ на релиційные сеймики (и притомъ созываемые посредствомъ частнаго изъ королевской канцеляріи универсала). На нихъ возлагаютъ обязанность, не только обезпечить внутреннюю безопасность, но и, въ случаѣ неуспѣшности мирныхъ переговоровъ съ Густавомъ-Адольфомъ, изыскать средства защиты отъ него... Въ особенности удивило новгородскую шляхту и вызвало немалую скорбь ея то обстоятельство, что, не смотря на поданную королемъ надежду на добрый исходъ мирныхъ переговоровъ, неожиданно явился изъ королевской канцеляріи новый универсалъ о высылкѣ пословъ на конвокаціонный съѣздъ, котораго время и мѣсто, при томъ же, въ универсалѣ не указаны. Новгородская шляхта, не желая оставить отечество безъ своихъ заботъ, а также предупреждая изданіе на этомъ съѣздѣ, въ отсутствіе ея пред-

³⁵) Szelągowski, Śląsk a Polska (Lwow, 1904), str. 284—308, 347—349.

ставителей, какихъ-либо вредныхъ для нея постановленій, избрала своими послами на этотъ сѣздъ литовскаго польнаго гетмана кн. Христ. Радивила и шляхтича Адама Хрептовича, поручивши имъ дѣйствовать на немъ въ пользу мира, не соглашаться на возложеніе на нее военной тягости и перенести окончательное рѣшеніе обсужденныхъ конвокаціоннымъ сѣздомъ дѣлъ на новгородскій реляціонный сеймикъ, имѣющій собраться недѣлю спустя послѣ этого сѣзда ³⁶).

Главный сѣздъ литовскихъ сенаторовъ и пословъ отъ воеводствъ, земель и уѣздовъ состоялся въ Вильнѣ 4 іюня 1624 г. Постановленіе этого сѣзда начиналось выраженіемъ давней уже скорби Литвы о томъ, что королемъ въ послѣднее время стали часто созываться въ ней экстра-ординарные сѣзды для отдѣльныхъ ея совѣщаній. Хотя участники сѣзда признавали настоятельную необходимость настоящаго сѣзда, созваннаго по совѣту нѣкоторыхъ сенаторовъ, тѣмъ не менѣе они просили короля впредь не устраивать такихъ отдѣльныхъ литовскихъ сѣздовъ: и совѣщанія, и средства спасенія отечества у литовскихъ обывателей, согласно съ актами уніи, должны быть общія съ обывателями коронными... Переходя къ шведскимъ отношеніямъ, участники литовскаго главнаго сѣзда прежде всего указывали на то, что на минувшемъ сеймѣ земскіе послы великаго княжества Литовскаго, къ великому ихъ прискорбію, совсѣмъ не имѣли возможности говорить о защитѣ отечества отъ шведскаго его врага. Только уже при самомъ окончаніи сеймовыхъ совѣщаній, среди общаго шума, сдѣлано было постановленіе объ этой защитѣ. Литовскіе послы, при этомъ, въ заботахъ о государственныхъ предѣлахъ не пошли позади коронныхъ пословъ, хотя они и помнили данное имъ братьями порученіе заботиться прежде всего о мирѣ, и потомъ уже о войнѣ. Большая часть уѣздовъ вел. княжества литовскаго на сеймѣ же установила налоги на инфлянтскую войну; остальные сдѣлали это на реляціонныхъ сеймикахъ. Въ виду этого, участники сѣзда просили короля не считать ихъ не-

---

³⁶) Собр. автогр. Имп. Публ. Библ., № 126, л. 11—12, Инструкція новгород. реляціоннаго сеймика его посламъ на главный сѣздъ. 27 марта 1624 г. участники этого сеймика внесли въ гродскія книги особую протестацію такого же содержанія (только нѣсколько короче), какъ и выше упомянутая инструкція. Въ этой протестаціи новгород. шляхта жаловалась еще на задѣвающую ея права и вольности редакцію конституцій прошлаго сейма (*ibid.*, 13).

радивыми о своей собственной безопасности, какъ это позволяютъ себѣ дѣлать легкомысленные языки.

Литовскій главный съѣздъ происходилъ подъ успокоительнымъ впечатлѣніемъ состоявшагося уже продленія польско-шведскаго перемирія. Это вполне сказалось въ дальнѣйшихъ его постановленіяхъ. Онъ благодарилъ короля за данное имъ уполномоченіе и отъ своего собственного имени вести мирные переговоры. Благодарилъ мстиславскаго воеводу (Януша Скумина-Тышкевича) и другихъ комиссаровъ за достигнутый ими успѣхъ въ заключеніи перемирія. Благодарилъ и кн. Христ. Радивила, какъ инициатора всего этого дѣла. Сдѣлалъ нѣкоторыя облегченія относительно срока взноса определенныхъ на инфлянтскую войну налоговъ... Но литовскій съѣздъ ясно видѣлъ и слабыя стороны заключеннаго перемирія. По этой причинѣ онъ усиленно просилъ короля совершенно отказаться отъ запрещенія Риги торговать съ Литвой. вмѣстѣ съ тѣмъ, для того, чтобы проложить путь прочному миру со Швеціей, съѣздъ просилъ короля послать новыхъ комиссаровъ въ Инфлянты, для дальнѣйшихъ, окончательныхъ переговоровъ. Въ доказательство настоятельной необходимости заключенія мира со шведами, участники съѣзда указывали на крайнее обнищаніе податнаго населенія Литвы и на общія жалобы всѣхъ сословій, вызванныя войной, на то, что разъ въ нее втянувшись, не скоро можно будетъ дожидаться ея конца, на предстоящее въ скоромъ времени истеченіе срока заключеннаго съ Москвой перемирія ³⁷⁾.

Постановленія литовскаго главнаго съѣзда хорошо характеризуютъ общее настроеніе литовско-польской шляхты по отношенію къ шведской войнѣ,—настроеніе совершеннаго несочувствія ей. Но это настроеніе очень мало подходило къ общей политической обстановкѣ того момента. Можно было сколько угодно не сочувствовать войнѣ съ Густавомъ-Адольфомъ, сколько угодно отъ нея отрещиваться. Но не въ силахъ и средствахъ литовско-польскаго шляхетскаго представительства было задержать развитіе польско-шведскаго конфликта, являвшагося лишь однимъ изъ проявленій общаго западно-европейскаго дипломатическаго и военнаго конфликта (тридцатилѣтней войны). Ни Сигизмундъ III, ни Густавъ-Адольфъ не могли серьезно думать о мирѣ въ тотъ моментъ, когда рас-

³⁷⁾ Собр. авторг. Имп. Публ. Библ., № 124, л. 114—116.

ширившіяся зап.-европейскія политическія комбинаціи открывали передъ тѣмъ и другимъ новыя заманчивыя перспективы. Лѣтомъ 1624 года для Сигизмунда и его правительства было совершенно ясно, что предстоитъ въ недалекомъ будущемъ новое вооруженное столкновение съ Густавомъ-Адольфомъ. Нужно было спѣшить съ военными приготовлениями. Нужно было готовить средства борьбы. Совсѣмъ, поэтому, не въ тонъ постановленіямъ литовскаго главнаго сѣзда, Сигизмундъ III, лишь мѣсяць съ небольшимъ спустя послѣ него, писалъ уже сенаторамъ о своемъ намѣреніи созвать сеймъ. Хотя съ Густавомъ (писалъ онъ) заключено на годъ перемиріе, но скоро уже оно окончится, откладывать же съ году на годъ возмездіе за свою обиду недостойно великаго государства. Нужно принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы положить предѣлъ жадности этого врага и скорѣе возратить отторгнутыя имъ владѣнія.

Поставивши на первомъ планѣ возобновленіе шведской войны, какъ главную причину созванія сейма, Сигизмундъ указывалъ (въ письмахъ къ сенаторамъ) и нѣкоторыя другія причины его... Татары (писалъ онъ) не перестаютъ опустошать польскія владѣнія. Правда, благодаря бдительности и ревностнымъ стараніямъ короннаго гетмана, они дважды ³⁸⁾ въ текущемъ году потерпѣли неудачу и съ позоромъ должны были уйти, но необходимо принять мѣры къ тому, чтобы сбросить наконецъ съ себя это ярмо... Казаки совсѣмъ уже почти вышли изъ послушанія и не обращаютъ вниманія ни на запрещенія короля, ни на сеймовыя постановленія. И теперь даже они всѣ ушли въ Запорожье съ цѣлью нападенія на владѣнія турецкаго императора. Объ этомъ нужно серьезно подумать. Они могутъ и втянуть Польшу въ войну съ Турціей, и вызвать внутреннія замѣшательства... Внутренніе своевольники, противъ которыхъ изданы прошлымъ сеймомъ такія строгія конституціи, нужно опасаться, какъ бы не стали чинить обы-

³⁸⁾ Первая побѣда надъ буджакскими татарами одержана была гетманомъ Конецпольскимъ 6 февр. 1624 г. подъ Шманьковцами. Вторая побѣда его надъ ними одержана 20 іюня 1624 г. подъ Мартыновомъ. Татары дошли до Перемышля, Ярослава и Кросна. Конецпольскій подстерегъ ихъ при возвращеніи ихъ, и отбилъ у нихъ всю добычу, въ томъ числѣ много польскихъ плѣнниковъ (Przylęcki, Pamiętniki o Koniecpolskich, 250—260; Кулишъ, Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, I, 137—140, донесеніе подолянъ королю о татарскихъ набѣгахъ, отъ 7 сент. 1624 г., Lwowianin, 1841, 136—139, очень подробный дневникъ похода противъ татаръ и побѣды надъ ними 20 іюня 1624 г.).

вателямъ новыхъ неприятностей. До сихъ поръ они (лисовчики) продолжаютъ образовывать толпы. Хотя они присылали къ королю своихъ посланцевъ, прося о милосордіи, но король безъ сейма ничего для нихъ сдѣлать не могъ. Онъ только подалъ имъ надежду на улучшеніе ихъ участи, если они спокойно разойдутся и приличествующимъ образомъ на будущемъ сеймѣ будутъ просить о помилованіи... Всѣ эти дѣла требуютъ (по мнѣнію короля) сеймоваго обсужденія и рѣшенія ³⁹⁾.

Сеймъ открылся въ Варшавѣ 20 января 1625 года подъ предсѣдательствомъ литовскаго писаря кн. Яна Друцкаго-Соколинскаго ⁴⁰⁾.

Враждебное военно-политическимъ планамъ Сигизмунда III настроеніе сейма сказалось тотчасъ же по открытіи его. Оказалось, что всѣ предсеймовые сеймики высказались (въ своихъ инструкціяхъ) противъ налоговъ на шведскую войну ⁴¹⁾. Оппозиція противъ короля поднялась и въ сенатѣ. Во главѣ ея стоялъ попрежнему краковскій каштелянъ кн. Ю. Збаражскій. Связь можновладства съ рядовой шляхтой ничего хорошаго не сулила Сигизмунду III. Боязнь усиленія королевской власти, ярко сказавшаяся уже на предыдущемъ сеймѣ, на интересующемъ насъ сеймѣ еще болѣе затуманила свободолюбивыя шляхетскія головы, готовыя видѣть для своей золотой вольности опасность и тамъ, гдѣ ея совсѣмъ не было. Невмѣшательство (даже косвенное) въ тридцатилѣтнюю войну для скупой вообще на военно-финансовыя ассигнованія шляхты оставалось попрежнему основнымъ мотивомъ внѣшней политики.

Маршалокъ посольской избы уже въ отвѣтной своей рѣчи на королевскую пропозицію затронулъ этотъ послѣдній пунктъ, всегда больно задѣвавшій Сигизмунда, принужденнаго разыгрывать передъ глазами подозрительно-настроенной шляхты роль держащаго нейтралитетъ по отношенію къ имп. Фердинанду II и рим.-католической реакціи въ Зап. Европѣ. Причину внутренняго своеволя и замѣшательствъ маршалокъ видѣлъ въ томъ, что не соблюдались условія договора короля

³⁹⁾ Kognowicki, *Życia Sapiëhow* (Wilno, 1790), t. I, str. 368—370, письмо къ Л. Сапѣгѣ отъ 17 іюля 1624 года.

⁴⁰⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV, № 138, л. 9.

⁴¹⁾ Szelągowski, 350.

съ императоромъ относительно взаимной военной помощи, и что императорскія владѣнія стали сборнымъ пунктомъ для польскихъ людей (лисовчиковъ). Королю поставлено было въ вину его слишкомъ снисходительное отношеніе къ возвратившимся на родину лисовчикамъ, противъ которыхъ предыдущимъ сеймомъ приняты были очень строгія мѣры. Королю такое отношеніе къ лисовчикамъ поставлено было въ вину, хотя оно согласно было съ совѣтомъ большинства сенаторовъ (письменно подавшихъ его лѣтомъ 1624 года)⁴²⁾. Между тѣмъ самъ сеймъ въ окончательномъ своемъ рѣшеніи вопроса о лисовчикахъ оказался не столь уже строго-неумолимымъ. Правда, онъ оставилъ въ силѣ конституцію о нихъ сейма 1624 года, но желая дать имъ возможность заслужить себѣ милость государственныхъ чиновъ, разрѣшилъ выдавать изъ королевской канцеляріи охранныя грамоты съ тѣмъ, чтобы они впредь служили въ королевскомъ войскѣ и не смѣли вступать въ отряды, составившіеся безъ короленскаго разрѣшенія. Кромѣ того, никто изъ нихъ не долженъ былъ вмѣшиваться и вступаться, подъ прикрытіемъ охранный грамоты, въ какія бы то ни было внутренія непріязни, какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ дѣлахъ, на всякихъ сеймикахъ и судахъ, и во всякихъ другихъ случаяхъ (подъ угрозой вѣчной инфаміи для шляхтичей и смертной казни и конфискаціи имущества для нешляхтичей). Милость не простиралася на тѣхъ лисовчиковъ, которые по возвращеніи на родину чинили обиды и всякія наглости людямъ. Получившіе охранныя грамоты должны были явиться на ближайшей будущей сеймъ съ этими грамотами и съ гетманскими о себѣ аттестаціями и просить себѣ еще большей милости государственныхъ чиновъ⁴³⁾.

Стараясь ликвидировать давнее досадное дѣло о вѣчно-безпокойныхъ лисовчикахъ, шляхетское сеймовое представительство отнимало у Сигизмунда III, какъ ему казалось, послѣдній поводъ къ нарушенію нейтралитета Польши въ Тридцатилѣтней войнѣ. Но это ему, на самомъ дѣлѣ, только такъ казалось. Личныя и династическія шведскія отношенія Сигизмунда III носили въ самихъ себѣ неумирающій зародышъ такого или иного, активнаго или пассивнаго, вмѣшательства его въ тогдашнюю великую средне-европейскую борьбу. Отъ

⁴²⁾ Szelaowski, 354.

⁴³⁾ Vol. leg., III, 236.

неизбѣжныхъ послѣдствій приглашенія на свой престолъ шведскаго дома Ваза Польшѣ уйти было невозможно... Трагическое въ международно-политическомъ смыслѣ положеніе Сигизмунда III было для сеймоваго представительства благоприятнымъ обстоятельствомъ въ борьбѣ его за уродливую саму по себѣ тогдашнюю польскую шляхетскую свободу, и наоборотъ совсѣмъ неблагоприятнымъ обстоятельствомъ для общаго хода польской внѣшней и внутренней государственно-общественной жизни. Но въ увлеченіи своей поистинѣ царственной ролью въ государствѣ польская шляхта историческія нужды и задачи этой послѣдней разсматривала нерѣдко подѣ слишкомъ уже узкимъ угломъ зрѣнія. Явившись на сеймъ 1625 года съ общешляхетскимъ veto противъ возобновленія въ такомъ или иномъ видѣ шведской войны (бывшей между тѣмъ въ тотъ моментъ однимъ изъ необходимыхъ звеньевъ въ великомъ средне-европейскомъ религіозно и народно-вооруженномъ конфликтѣ), торжествуя своего рода побѣду надъ Сигизмундомъ III съ его лисовчиками (этимъ единственнымъ его до сихъ поръ активнымъ орудіемъ на театрѣ Тридцатилѣтней войны), земскіе послы на сеймѣ 1625 года свою борьбу съ королевскою властью за права и прерогативы шляхетскаго сословія повели со всѣмъ жаромъ слѣпого, фанатическаго убѣжденія во внутренней правотѣ своего дѣла. Мало симпатичная личность тогдашняго носителя королевской власти въ Польшѣ съ его политичесли-грубымъ и близорукимъ пользованіемъ нѣкоторыми своими государственными прерогативами (предоставленіе должности великаго литовскаго гетмана не литов. польному гетману, кн. Христ. Радивилу, человѣку военнаго таланта и боеваго опыта, а престарѣлому дипломату Льву Сапѣгѣ, совершенно лишенному того и другого) только поддерживала силу этого убѣжденія, только разжигала его жаръ. Воскресли всѣ старыя политическія подозрѣнія противъ Сигизмунда III, всѣ давнія неудовольствія на него, съ большей или меньшей силой преслѣдовавшія его съ первыхъ же лѣтъ его царствованія въ Польшѣ, достигшія высшей точки своего напряженія въ эпоху рокоша, послѣ нѣ котораго затишья вновь возродившіяся къ жизни съ новыми непосредственными объектами борьбы (вармійское и живецкое дѣло).

Борьба посольской избы съ королемъ на сеймѣ 1625 года цѣликомъ заполнила собой все обычное шестинедѣльное его продолженіе. Обще-шляхетскія требованія на этомъ сеймѣ

нашли себѣ официальное выраженіе въ поданныхъ королю посольскою избою «публичныхъ ея экзорбитанціяхъ, сведенныхъ къ меньшему числу ихъ» ⁴⁴).

Перечень этихъ экзорбитанцій начинался просьбою о томъ, чтобы всѣ права и привилегіи шляхты относительно свободного избранія ею короля, особенно же сеймовая конституція 1607 года, были возобновлены и утверждены авторитетомъ настоящаго сейма ⁴⁵). Затѣмъ, послы просили не увеличивать впредь королевскихъ экономій ⁴⁶). Далѣе, они обращали вниманіе короля на то, что вопреки точнымъ и опредѣленнымъ законамъ трибунальные декреты часто отмѣняются сеймовыми и задворными декретами. Они просили, чтобы впредь этого не было, чтобы дѣла, подлежація суду трибунала, никакимъ другимъ судомъ не судились, чтобы всѣ такого рода процессы, возбужденные съ 1620 года въ сеймовомъ или задворномъ судѣ, были прекращены. По дѣлу о предоставленіи королемъ вармійскаго епископства королевичу Альбрехту, послы просили, чтобы впредь одному сейму принадлежало право оказывать благоволеніе къ королевскому потомству, чтобы впредь король не имѣлъ права раздавать своимъ сыновьямъ бенефичіи безъ спеціальнаго согласія на то сейма. Просили, чтобы король издалъ спеціальный дипломъ о томъ, что королевичъ по достиженіи 24-лѣтняго возраста принесетъ по установленной формѣ, какъ сенаторъ, присягу королю и государству, и что вармійское епископство никогда не будетъ оторвано отъ польскаго государства и что оно наравнѣ съ другими епископствами будетъ нести государственные тягости. По дѣлу о приобрѣтеніи королевою Живецкаго староства, совершенно не допустимомъ по основнымъ польскимъ законамъ, послы въ видахъ усиленія расположенности королевы къ государству, соглашались на то, чтобы она оставалась во владѣніи приобрѣтенными ею имѣніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ они просили короля о томъ, чтобы эти имѣнія ни въ какомъ смыслѣ и

⁴⁴) Эти экзорбитанціи находятся въ рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F IV № 29, л. 25—26 об., № 76, л. 32 об.—34 об., № 96, л. 37 об.—39 об., № 175, л. 1—4.

⁴⁵) Право свободного избранія шляхтою короля всегда считалось основою политической шляхтской свободы.

⁴⁶) 8 февр. 1625 г. получено въ Варшавѣ при дворѣ извѣстіе о смерти сестры Сигисмуда III, шведской королевы Анны, владѣвшей бродницкимъ и голубскимъ староствами (рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV. № 138, л. 8). Шляхта, вѣроятно, боялась превращенія ихъ въ экономіи.

никакимъ образомъ не были отчуждены въ пользу такихъ лицъ, которыя не подвластны польскому королю и не подсудны польскому государственному праву. Королева и ея наслѣдники управление Живцемъ должны поручить старостѣ польскаго происхожденія, осѣдлому шляхтичу того воеводства, въ которомъ имѣнія находятся, и этотъ староста долженъ отбывать съ нихъ военную службу и платить всякіе налоги. Болѣе всего они просили о томъ, чтобы царствующая королева и всѣ будущія королевы впредь не могли пріобрѣтать себѣ и своимъ потомкамъ имѣній въ Польшѣ, ни посредствомъ дара, ни посредствомъ покупки, ни посредствомъ ипотеки, ни посредствомъ какого-либо обязательства ⁴⁷⁾).

Въ числѣ десяти экзорбитанцій, представленныхъ королю посольской избой, находилась и экзорбитанція о православной церкви. «Греческая религія (гласила она) всѣ почти сеймы до сихъ поръ затрудняетъ, и очень близко къ тому, что она и все государство можетъ затруднить и вовлечь въ опасность. Поэтому просимъ, что король его милость на этомъ сеймѣ благоволилъ найти способы и средства, которыми бы это дѣло наконецъ было бы когда-либо основательно успокоено» ⁴⁸⁾).

Включеніе экзорбитанціи о православной церкви въ сокращенный списокъ экзорбитанцій посольской избы показываетъ, что православные земскіе послы на сеймѣ 1625 года въ борьбѣ за права своей церкви приложили къ дѣлу не мало усилій: изъ вышеупомянутаго списка исчезъ цѣлый рядъ экзорбитанцій, фигурировавшихъ на прежнихъ сеймахъ. Правительство Сигизмунда III такъ давно уже и столь пренебрежительно третировало православныхъ, что мѣсто для нихъ только и могло найтись въ рядахъ противокоролевской оппозиціи. Посольская изба, какъ видно изъ текста экзорбитанціи о греческой религіи, включила ее въ свой списокъ по политическимъ мотивамъ—изъ боязни затрудненій и опасностей для польскаго государства отъ неудовлетворенія требованій православнаго населенія. Хотя экзорбитанція редактирована

⁴⁷⁾ Противъ короля въ извѣстной мѣрѣ направлены были и экзорбитанціи о порчѣ монеты, о доставкѣ шляхтѣ соли изъ краковскихъ и русскихъ королевскихъ копей. Только двѣ экзорбитанціи (о бресткомозырской разграничительной комиссіи и объ установленіи соглашенія духовнаго и свѣтскаго сословій) не были направлены противъ короля.

⁴⁸⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV. № 29, л. 26 об.—28, № 76, л. 34 об.—35 об., № 96, л. 39 об.—41 об., № 175, л. 4 об.—6.

очень неопредѣленно, ничто не препятствуетъ предположить, что православные и на сеймѣ 1625 года, какъ на нѣсколькихъ предыдущихъ сеймахъ, требовали оффиціального признанія возстановленной патр. Теофаномъ высшей своей церковной іерархіи. Экзорбитанціи о трибунальныхъ декретахъ придана была такая редакція, что представляется возможнымъ объяснить ее вниманіемъ посольской избы къ просьбамъ православныхъ пословъ. Прекращеніе возбужденныхъ въ сеймовомъ и задворномъ судѣ неподсудныхъ имъ процессовъ проектировано было съ 1620 года, т. е. съ года возстановленія православной іерархіи... Вспомнимъ, что еще лѣтомъ 1624 года митр. Іовъ Борецкій сносился по дѣлу о будущемъ сеймѣ съ кн. Христ. Радивиломъ вождемъ литовской противокоролевской оппозиціи. Вспомнимъ, что въ началѣ 1625 года онъ послалъ Бобриковичу бланки со своею подписью для написанія на нихъ ходатайственнаго письма къ краковскому каштеляну кн. Юрію Збаражскому, главѣ оппозиціонной партіи въ сенатѣ (братъ его Христофоръ раздѣлялъ съ Хр. Радивиломъ руководство оппозиціоннымъ большинствомъ въ посольской избѣ).

Польская изба за свой сокращенный списокъ экзорбитанцій стояла неотступно. Она не соглашалась ни на какія уступки по самому важному для Сигизмунда вопросу— о продолженіи шведской войны. Но и Сигизмундъ III не считалъ для себя возможными существенныя уступки по содержанію представленныхъ ему экзорбитанцій, какъ это ясно видно изъ «содержанія отвѣта короля его милости, даннаго имъ посольской избѣ»

Король (по его словамъ) думалъ, что земскіе послы, послѣ раздачи имъ вакантныхъ должностей, немедленно приступятъ къ обсужденію безопасности государственныхъ границъ. Но земскіе послы, не обсуждая королевской пропозиціи, подали ему къ концу уже сейма такіе пункты, которые требуютъ долгаго обсужденія и надлежащаго для того времени (которое между тѣмъ уже истекло). По содержанію отдѣльныхъ экзорбитанцій онъ отвѣтилъ посламъ слѣдующее:

Король не видитъ, чтобы на свободное избраніе короля была наброшена хотя бы какая-либо тѣнь сомнѣнія въ виду существованія опредѣленныхъ и твердыхъ о немъ законовъ; но для общаго успокоенія онъ согласенъ подтвердить вислицкій привилей или возобновить конституцію 1607 года. Коли-

чества экономій король не увеличилъ, хотя въ минувшіе тяжкіе годы и была въ томъ нужда; онъ даже не требовалъ принадлежащей ему по закону третьей части дохода съ государственныхъ имуществъ «хотя она дала бы ему больше, чѣмъ даютъ экономіи».—Трибунальныхъ декретовъ король не имѣеть обыкновенія нарушать. Онъ желаетъ, чтобы указаны были будто бы нарушенные имъ декреты. Тогда станетъ ясно, что они только тогда были отмѣняемы, когда трибуналь судилъ не подлежащія ему дѣла.—Относительно Варміи король надѣялся, что государственные чины удовольствуются отвѣтомъ, даннымъ имъ на сеймѣ два года тому назадъ; но въ виду обращенной къ нему въ прошломъ году просьбы онъ согласился обѣщать, что, когда королевичъ достигнетъ надлежащихъ лѣтъ и пожелаетъ быть епископомъ и сенаторомъ, онъ тогда принесетъ сенаторскую присягу, налоги же съ вармійскаго епископства всегда будетъ уплачивать.—Пожалованіе Живца король не только не считаетъ противнымъ закону, а напротивъ согласнымъ съ конституціями 1552 года и 1565 года. Королева для управленія имъ возьметъ старостой владѣющаго тамъ недвижимостью шляхтича, который будетъ нести всѣ тягости наравнѣ съ другими ⁴⁹⁾).

Подъ внѣшней уклончивой формой королевскій отвѣтъ содержалъ въ себѣ рѣшительный отказъ на опредѣленные требованія, предъявленные къ нему въ экзорбитанціяхъ, особенно по столь обострившимся вармійскому и живецкому вопросамъ. Такой же рѣшительный, даже еще болѣе рѣшительный отвѣтъ, безъ прикрытія его даже избитой фразой своего согласія вообще, далъ Сигизмундъ на экзорбитанцію посольской избы о православной церкви. «Для успокоенія русской религіи (гласилъ отвѣтъ) не малыя старанія прилагалъ всегда его королевская милость, но по ихъ же (т. е. православныхъ) винѣ они были напрасны, и оно могло бы уже вполне осуществиться; но сами же тѣ, которые такъ сильно жаждали успокоенія, не вѣря въ правоту своего дѣла, не хотѣли являться и уѣхали изъ Варшавы».

⁴⁹⁾ Король отрицалъ фактъ большой порчи монеты, выходящей изъ королевскаго монетнаго двора, и не соглашался на назначеніе особыхъ комиссаровъ для разслѣдованія этого дѣла... Соли шляхтѣ выдано, по словамъ короля, въ минувшемъ году даже болѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы... Соглашеніе дух. и свѣт. сословій король считалъ нужнымъ дѣломъ, но духовное сословіе, по его словамъ, требуетъ его отсрочки.

Отвѣтъ Сигизмунда III былъ въ существѣ дѣла отвѣтомъ не на вопросъ. Православные съ 1620 года просили оффиціального признанія своей новопосвященной іерархіи. На сеймѣ 1623 года особая, устроенная для ихъ успокоенія, комиссія предложила имъ собраться на общій съ униатами съѣздъ и на немъ выработать взаимное соглашеніе. Православные на этомъ же сеймѣ признали такой способъ ихъ успокоенія не ведущимъ къ цѣли, и потому митр. Іовъ Борецкій и архіепископъ Мелетій Смотрицкій тотчасъ же уѣхали съ сейма, когда увидѣли, что вмѣсто правительственнаго признанія ихъ въ ихъ церковныхъ должностяхъ имъ предлагаютъ религиозно-церковный съѣздъ для новаго на немъ обсужденія дѣла церковной униі. Этотъ ихъ отъѣздъ изъ Варшавы, означавшій отказъ ихъ отъ предложеннаго имъ правительствомъ совершенно безнадежнаго опыта рѣшенія дѣла, теперь Сигизмундъ III и ставилъ имъ въ вину, усиливаясь на словахъ придать ему характеръ серьезной и важной своей заботы объ успокоеніи людей православной вѣры. Но даже и Сигизмундъ III на сеймѣ 1625 года не смогъ указать никакихъ, болѣе позднихъ, проявленій своей объ этомъ успокоеніи заботы. Отвѣтъ Сигизмунда III на экзорбитанцію 1625 года о греческой религіи представлялъ собой обычную для него и столь всегда для православныхъ обидную игру двусмысленныхъ словъ, подтасовку фактовъ и понятій.

Отвѣтъ короля на экзорбитанціи посольской избы не оставлялъ мѣста для продолженія дальнѣйшихъ переговоровъ правительства Сигизмунда III съ шляхетскимъ сеймовымъ представительствомъ. Съ крайнимъ неудовольствіемъ выслушали его земскіе послы. Когда они возвратились изъ сената въ свою избу, кн. Христ. Радивиль обратился къ нимъ съ рѣзкою критикой королевскаго отвѣта. Король (говорилъ онъ) не для новыхъ какихъ-либо требованій, а для охраны правъ и свободъ нашихъ не пожелалъ ничего сдѣлать. Не великихъ, въ самомъ дѣлѣ, вещей просили мы (продолжалъ онъ), обращаясь къ милосердію короля. Въ дѣлѣ Варміи и Живца, хотя съ нимъ связана была сущность нашей свободы, мы выступали весьма умѣренно. Но ничего не могли мы добиться своей добротой и уступчивостью... Я (обратился онъ въ заключеніе къ посламъ) въ первомъ же своемъ заявленіи посольской избѣ сказалъ, что или слѣдовало предъявить справедливыя требованія и ни въ какомъ случаѣ («ни къ чему не присту-

пая») отъ нихъ не отказываться, или совсѣмъ не выступать съ ними. Я и теперь остаюсь при томъ же убѣжденіи, и не желаю ни къ чему приступать, пока не послѣдуетъ удовлетворенія, и, хотя бы вы оставили меня одного, я не откажусь отъ разъ принятаго рѣшенія и сойду съ нимъ въ могилу ⁵⁰).

Отвѣтъ короля на экзорбитанціи посольской избы, собственно говоря, предрѣшалъ уже безрезультатный исходъ сейма,—безрезультатный для военныхъ плановъ Сигизмунда съ одной стороны и для домогательствъ сеймовой оппозиціи съ другой стороны. Послѣ закрытія сейма (3 мая 1625 г.) вожди ⁵¹) сеймовой оппозиціи сочли нужнымъ обратиться къ своимъ избирателямъ съ особой «манifestаціей относительно поданныхъ ими экзорбитанцій». Эта манифестація представляетъ интересъ для насъ потому, что она съ особою рельефностью отбѣняетъ основные фазисы борьбы посольской избы съ королемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какой оригинальный исходъ по неотложнымъ внѣшнимъ дѣламъ нашла посольская изба въ своемъ ожесточенномъ столкновеніи съ королемъ.

Составители манифестаціи, прежде всего, заявляли, что они, согласно съ порученіемъ своихъ избирателей, тотчасъ по пріѣздѣ на сеймъ (съ нѣкоторымъ, впрочемъ, опозданіемъ изъ-за морового повѣтрія) начали свою дѣятельность съ состав-

⁵⁰) Рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV. № 26, л. 27—28, № 76, л. 36—7, № 96, л. 41—42, № 175, л. 6—7 об. Ср. *Sprawy Krz. Radziwiłła*, 503—506, рѣчь Радивила, близкая по основному содержанію къ рѣчи, содержащейся въ этихъ рукописяхъ (сказанная, вѣроятно, раньше ея).

⁵¹) Въ числѣ 15 земскихъ пословъ, подписавшихъ манифестацію (она сохранилась въ цитир. въ предыдущемъ примѣчаніи рукописяхъ) находимъ имена посла вилен. воеводства, литов. польнаго гетмана кн. Христ. Радивила (онъ подписался первымъ), посла краков. воеводства, краков. стольника Иеронима Пшиленцкаго, посла сендомир. воеводства Хр. Збаражскаго, посла новгород. в. Сиг. Карла Радивила, галиц. посла Прокопа Сенявскаго, познан. посла Андрея Рея изъ Нагловиць, сендомир. посла Христ. изъ Тенчина Оссолинскаго, краков. посла Павла Мархощкаго, равскаго Посла Стан. Соколовскаго, сендомир. посла Оссолинскаго, волынскихъ пословъ Адама Кшискаго и Станислава Заходовскаго, оршан. пословъ Стефана Грудзинскаго и Яна Гектора Подбжежича, вилен. посла, литов. конюшаго, Христ. Ходкевича. Въ рукописяхъ № 29 и 175 Кшискій и Заходовскій названы „послами волын. воеводства“; въ рук. № 76 и 96 одинъ Заходовскій названъ посломъ волын. воеводства, а о Кшискомъ не сказано, какимъ онъ былъ посломъ (въ же другіе подписавшіе манифестацію обозначены своими посольскимъ званіемъ)... Манифестація датирована 5 марта 1625 въ Варшавѣ.

ленія списка экзорбитанцій. Въ виду краткости времени и не желая причинять королю непріятности, они внесли въ этотъ списокъ только тѣ экзорбитанціи, безъ которыхъ частная жизнь и шляхетская вольность не могутъ быть безопасными. При этомъ они такъ изложили эти экзорбитанціи, что онѣ совсѣмъ не задѣвали доходовъ короля, а преслѣдовали только цѣль установленія общаго порядка. Относительно Вармійскаго епископства они только просили изданія королемъ диплома о томъ, что королевичъ Альбрехтъ по достиженіи 24 лѣтъ принесетъ сенаторскую присягу, что впредь король уже не будетъ безъ согласія сейма раздавать своему потомству бенефицій. Относительно Живца они просили о томъ, чтобы впредь королевы не пріобрѣтали уже себѣ наслѣдственныхъ имѣній. Текстъ королевскаго отвѣта на свои экзорбитанціи составители манифестаціи приложили къ ней во всеобщее свѣдѣніе, чтобы каждый могъ судить объ умѣренности ихъ просьбъ. Въ виду этого отвѣта, они не хотѣли уже дальше ни къ чему приступить и не соглашались ни на какія печатныя конституціи. Но въ то же время они не могли не считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что государству угрожаютъ опасности, какъ на Украинѣ, такъ и въ Инфлянтахъ. Они не могли совершенно отказать правительству въ средствахъ защиты государства. Но они рѣшили сдѣлать это не общепринятымъ сеймовымъ порядкомъ. Соглашаясь дать средства на оборону государства, они рѣшили не употреблять самаго названія «конституціи», не употреблять ни раздѣловъ, ни заглавій. Маршалокъ посольской избы передъ чтеніемъ постановленія объ оборонѣ упомянулъ о томъ, что послы не довольны отвѣтомъ короля, и въ знакъ недовольства своего не составляли конституцій... Постановленіе относительно своевольныхъ людей принято было королемъ и сенаторами уже по закрытіи сейма. Въ предупрежденіе дальнѣйшихъ замѣшательствъ оно принято и послами, но они не согласились на предложенную тутъ нѣкоторыми сенаторами прибавку: «соблюдая договоры съ императоромъ»... Манифестація оканчивалась заявленіемъ ее составителей своимъ избирателямъ, что они ничего не упустили при защитѣ шляхетскихъ вольностей и свободъ.

Хотя сеймъ 1625 года не считалъ для себя позволительнымъ совершенно отказать правительству въ денежныхъ ассигнованіяхъ на оборону границъ государства, но эти ассигнованія его не пошли дальше обычныхъ небольшихъ назначеній

его для этой цѣли въ послѣдніе годы. Онъ назначилъ военные налоги на будущій годъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ они назначены были сеймомъ 1623 года. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ постановленіе о снабженіи войска извѣстнымъ количествомъ орудій. Но разрѣшивши военные налоги, сеймъ сдѣлалъ въ то же время оговорку о томъ, что войско, на содержаніе котораго эти налоги назначены, должно только защищать границы государства, не вдаваясь въ наступательную войну съ сосѣдями безъ разрѣшенія сейма. То же войско коронный и литовскій гетманы должны были употребить и для сохраненія внутренняго мира въ государствѣ, для обезпеченія его отъ сборищъ своевольныхъ людей. Наконецъ, въ случаѣ возникновенія опасности отъ врага въ Инфлянтахъ, сеймъ разрѣшилъ употребить на отраженіе его тѣ налоги, которые для этой цѣли установлены были виленскимъ конвокаціоннымъ съѣздомъ 1624 года ⁵²⁾.

Вообще сеймъ 1625 года, насколько можно судить по неуступчивости его въ вопросѣ объ экзорбитанціяхъ и по его военно-финансовымъ постановленіямъ, совсѣмъ не усматривалъ какой-либо особенной опасности на сѣверѣ, со стороны Густава-Адольфа. Отъ представителей сеймоваго шляхетскаго представительства, повидимому, сокрыты были всѣ сложныя перипетіи западно-европейской политики того момента. Оно разѣхалось изъ Варшавы съ сильнымъ неудовольствіемъ на Сигизмунда III за его внутреннюю политику, но съ бодрой надеждой на мирное теченіе вѣшной польской политики. Рѣчь литовскаго польнаго гетмана, столь близко знакомаго съ шведскими дѣлами и отношеніями, давала для этой надежды такое, повидимому, твердое основаніе ⁵³⁾.

Среди безрезультатно въ концѣ концовъ, и для Сигизмунда III, и для шляхетскаго представительства, протекшей сеймовой работы 1625 года малозамѣтной полосой прошла на сеймѣ и борьба православныхъ земскихъ пословъ съ церковной уніей. Нуждаясь въ поддержкѣ ихъ, сеймовая противокоролевская оппозиція ихъ просьбу о православной вѣрѣ включила въ сокращенный списокъ главныхъ своихъ экзорбитанцій. Но особенной настойчивости въ ея защитѣ сами православные послы, повидимому, не проявили. Впослѣдствіи, уже послѣ смерти Сигизмунда III, виленское православное братство раз-

⁵²⁾ Vol. leg., III, 235—236.

⁵³⁾ Sprawy Krz. Radziwilla, 501—503, рѣчь на сеймѣ 14 февр. 1625 г.

сказывало о судьбѣ экзорбитанціи о православной вѣрѣ на сеймѣ 1625 года такимъ образомъ: «когда въ отсутствіе священной памяти короля ихъ милость паны сенаторы вмѣстѣ (*simul et semel*) съ ихъ милостью панами послами разсматривали экзорбитанціи, поданныя посольскою избою, въ числѣ ихъ неуспокоенная греческая религія всѣми ихъ милостями была признана экзорбитанціей и также принята, съ присовокупленіемъ просьбы къ ихъ милости панамъ посламъ греческой религіи, чтобы основательное уврачеваніе ея они отложили до будущаго сейма, что ихъ милость по желанію ихъ милости и учинили»⁵⁴). Изъ этого разказа виленскаго братства видно, что сами православные послы на сеймѣ 1625 года добровольно согласились на отсрочку разсмотрѣнія своего дѣла до будущаго сейма.

Объ участіи казацкаго запорожскаго посольства въ борьбѣ съ церковной уніей на сеймѣ 1625 года никакихъ свѣдѣній въ нашемъ распоряженіи не имѣется. Изъ современнаго придворнаго дневника мы знаемъ только, что за два дня до окончанія сейма, 1 марта, королю представлялись «послы отъ запорожскаго войска»⁵⁵). Одинъ изъ пунктовъ данной имъ казачествомъ инструкціи удовлетворенъ былъ королемъ еще въ первую половину сеймоваго періода, до представленія ему экзорбитанцій посольской избы: жалованная грамота Захаріи Копыстенскому на кіево-печерское архимандритство дана Сигизмундомъ III 7 февраля 1625 года⁵⁶). Ходатайство запорожскаго казачества о правительственномъ признаніи возстановленной патр. Теофаномъ высшей православной іерархіи (составлявшее, по всей вѣроятности, главный предметъ и шляхетской сеймовой экзорбитанціи о греческой религіи) не было королемъ уважено. Безрезультатно разошедшій сеймъ, надо думать, не сдѣлалъ никакихъ распоряженійся и относительно финансовыхъ просьбъ запорожскаго казачества, какъ и вообще ничего не сдѣлалъ для урегулированія всего казацкаго вопроса⁵⁷).

П. Жуковичъ.

⁵⁴) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. 1, т. VII, 571, Synopsis 1632 года.

⁵⁵) Рук. Имп. Публ. Библ., Пол., F. IV. № 138, л. 8.

⁵⁶) С. Т. Голубевъ, I, прил., 277—278.

⁵⁷) Изъ данной королевскимъ комиссарамъ къ запорожскимъ казачкамъ инструкціи отъ 20 іюля 1625 года видно, что сеймъ 1625 года не повторилъ даже постановленія сеймовъ 1623 и 1624 г.г. о назначеніи противоказацкой комиссіи.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки